

Эллин Ти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Головная боль
майора Стрельцова

18+

Элин Ти

Головная боль майора Стрельцова

«Автор»

2026

Ти Э.

Головная боль майора Стрельцова / Э. Ти — «Автор», 2026

Он - самоуверенный майор. Военный с выправкой и закаленным характером. Не позволяет себе вольностей и лишних улыбок, живет по уставу и не расслабляется ни на секунду. Она - военный психолог, и... и она точно заставит его расслабиться. Правда сначала он точно захочет избавиться от нее и ее странных методов работы.

© Ти Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Миша	5
Глава 2. Миша	8
Глава 3. Миша	10
Глава 4. Катя	13
Глава 5. Миша	16
Глава 6. Катя	19
Глава 7. Миша	22
Глава 8. Катя	25
Глава 9. Миша	28
Глава 10. Катя	31
Глава 11. Миша	35
Глава 12. Катя	37
Глава 13. Миша	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эллин Ти

Головная боль майора Стрельцова

Глава 1. Миша

— По трое разбились, встали напротив мишеней! Первый отстреливается и отходит, второй без команды не лезет, всем все ясно?

— Ясно, — нестройным рядом отвечают солдаты и я чувствую, как внутри меня снова закипает лава. А почему они все такие тупые?

— Как надо в армии отвечать?!

— Так точно, товарищ майор! — говорят уже хором и я прикрываю глаза. Вот как-то раньше было поменьше тупых, сейчас просто атас, башка от них уже неделю раскалывается, ни минуты перерыва от этой боли нет.

И вот главное вроде объясняешь им все как надо, пожевал и в рот положил, а они все равно тупее тупых! Как выдадут херню какую-то, так хоть стой, хоть на луну вой по ночам, и то не факт, что поможет.

Даже автоматы криво держат, ну как тут оставаться спокойным?! Подхожу к каждому, поправляю, отдаю пару подзатыльников, по команде начинаем, а...

— Зимин, а что не стреляем?

— Товарищ майор, а тут не работает, — выдает он мне с серьезным видом, показывая мне автомат. Бл... да как так-то?! Я перед тем, как их сюда притащили полчаса назад, проверил все! А у него “не работает”.

— Голова у тебя не работает, Зимин! Что там может не работать? Давай я проверю? Но целиться тебе в колени буду, как думаешь, заработает?!

— Товарищ майор, — перебивает меня грубоватый и громкий голос. Ну, конечно, товарищ полковник, его же мне тут как раз для полного счастья и душевного спокойствия и не хватало, — после занятий ко мне в кабинет, — говорит отрывисто и уходит, я даже отреагировать никак не успеваю.

Лев Степаныч вообще нормальный мужик, мы с ним сто лет работаем уже вместе, он всего на десятку старше, поможет, подскажет. Но в последнее время замахал меня, честно признаться. “Стрельцов, то не так, се не так”. Никогда нареканий не было, а тут каждый день мозг мне полощет, от того голова и раскалывается.

С диким желанием убивать я все-таки заканчиваю с пацанами тут. Одного, правда, отгаскиваю за шкуру и отшвыриваю на землю, потому что хватает мозгов у него бежать проверять мишень, пока остальные еще не закончили стрелять. Ну вот не дебил? Шальная пуля залетит в голову, а отвечать и сидеть за это я потом буду!

Придурки, Господи, откуда их понабрали только?

Умываюсь ледяной водой и на десяток секунд подставляю под кран голову, остываю. Я закипаю изнутри весь, а сегодня только вторник. Сдалось мне когда-то стать военным? Так вдохновился армией, что не смог остановиться. В итоге вот, майор в тридцать два, но такое ощущение, что этим делом я не горю так, как раньше горел.

Потому что вокруг тупые все!

Иду к полковнику, снова буду слушать, как он мне мозг промывает. “Стрельцов, тебе надо отдохнуть”. “Свали в отпуск, Стрельцов”. “Может, передашь полигон Харитонову, а с тебя снимем обязанности?”. Хер могу передать Харитонову, а не полигон. Меня хоть и достало все это, но ничего Харитонову я отдавать не буду. Бесит он меня хлеще тупых новобранцев.

Человек, у которого внутри одно дерьмо, и то гнилое, никогда работу у меня забирать не будет. В целом, я полковнику так и сказал.

Три лестничных пролета, по пути разминаю шею, побаливает что-то, надо к массажисту, что ли, записаться, или хотя бы спиртом натереть. Он вроде от всех болезней помогает.

Три раза стучу, открываю дверь.

— Вызывали, товарищ полковник?

— Проходи, Миша, — сбрасывает он сразу маски официоза. Прохожу, сажусь, смотрю на него. Вот сразу вижу, ни черта хорошего мне не скажет, можно было в наушниках приходить. — Чай будешь?

— Лев Степаныч, ну вы ж не чаи меня позвали гонять. Говорите, что случилось, и я пойду, у меня работыдох... много, говорю, работы, в общем.

— От работы на сегодня ты освобожден, — выдает он мне. — Харитонов подхватит.

— А спина у Харитонова не треснет, без конца подхватывать? — злюсь, психую. Да что ж вы бесите-то меня все сегодня!

— Я все сказал! На сегодня у тебя другая задача есть!

— Какая? — сдаюсь. Ладно, может, чего поважнее тупоголовых подкинет мне.

— С сегодняшнего дня и в ближайшие недели три точно, а то и больше, это будете уже со специалистом решать, ты будешь посещать нашего психолога, Миша.

Что я посещать буду? Что он сказал?

У меня лицо вытягивается так, что боюсь застыть с такой гримасой на всю жизнь. Мне ж послышалось, да?

— Я не понял.

— Что ты не понял? К психологу, Миша, строевым шагом и срочно! У тебя нервы сдают, ты жестишь, мне такое не подходит.

— Так наш уволился вроде, — вспоминаю, что Сергей Юрьевич, психолог со стажем, как раз пару недель назад вышел на пенсию. Иногда новичкам в армии требуется помощь. Неженки, бя.

— У нас новый, — вздыхает он, — третий день работает. Екатерина Витальевна как раз только прибыла с курсов повышения квалификации, большой опыт работы, красный диплом...

— Да хоть медаль от президента, Лев Степаныч, не надо мне в мозгах ковыряться, че за новости-то?! Отпуск, психолог, а завтра что? Заявление и за забор под жопу меня выгоните?

— Миш, ты вчера ударил солдата, мне с этим что делать прикажешь?! — злится он и повышает голос. Степаныч вообще редко голос повышает, кстати сказать. — Слава богу проблем и разбирательств не было, солдат пошел тебе навстречу! А это подсудное дело!

— Он подошел ко мне на полигоне с гранатой в руках и сказал, что случайно чеку оторвал, товарищ полковник, это как? Как на это реагировать?

— Не дракой с солдатом! Пацану восемнадцать лет! Ты проблему предотвратил, молодец, все живы и целы, а дальше должна была быть лекция о технике безопасности, а не удар ему в челюсть! Ты что, первый день работаешь?

— Сорвался, — вздыхаю, — потому что я не понимаю, как можно быть таким тупым. Даже дети знают элементарные вещи...

— А он не знал. И твоя задача научить! Все. Мне надоело. С сегодняшнего дня, кстати, прием у тебя через пятнадцать минут, ты посещаешь Екатерину Витальевну и выполняешь абсолютно все ее рекомендации, понял меня?

— Не пойду, — качаю головой, ну что за бред, а?! — Нормально со мной все!

— Тогда я освобождаю тебя от всех твоих обязанностей и передаю, м... работу прапорщика. Будешь тушенку и матрасы пересчитывать, ясно? К людям я тебя не допущу больше. Свободен.

— Степаныч, серьезно?! — вскакиваю. — А че не полы мыть?

— Надо будет — будешь мыть! Выбирай, я все сказал, сюсюкать с тобой мне надоело. Ты военный человек, в конце концов, а не тряпка половая! Выполнять приказ!

— Так точно, — говорю сквозь зубы и выхожу из кабинета, громко хлопая дверью. И даже извиняться не буду. Переживает.

Психую дико, кровь в венах бурлит так, что даже больно. Вылетаю на улицу, дышу как лошадь загнанная и краем глаза замечаю, как сука Харитонов идет в сторону полигона. Вместо меня. Ну, зашибись! Просто супер!

Когда он там сказал прием? Пятнадцать минут?

Психолог у нас сидит в другом крыле, психую на весь мир, но иду. Похожу к этой Екатерине для галочки, только чтобы Степаныч отвалил. А то достанет же и реально отправит матрасы считать. В конце концов там женщина, с ними всегда можно договориться шоколадкой и улыбкой, так что прорвемся. Шоколад купим, а улыбаться я вроде умею, если очень надо.

Сдаюсь и иду, в коридоре сажусь на стул, до приема еще пять минут. Вряд ли она занята, потому что я почти уверен, что психолог у нас больше для галочки, но я всегда стараюсь быть пунктуальным, еще в армейке выработалось.

Но к моему удивлению через четыре минуты из ее кабинета с широкой улыбкой и слишком довольным выражением лица выходит лейтенант. Синицын, нормальный парень, точно лучше Харитонова. Он кивает внутрь кабинета, говорит “Спасибо большое еще раз” и закрывает за собой дверь.

А с ним что? Он же мухи не обидит.

— А тебя за что сослали? — спрашиваю.

— Здравия желаю, товарищ майор. Так я по собственной инициативе. Чувствую, что нужно, пришел. Как раз новый специалист.

— Наслышан, — закатываю глаза. — Ладно, я типа следующий к специалисту.

— Удачи, — зачем-то говорит он мне и мне кажется, что я попал в какую-то параллельную реальность, честное слово.

— Тук-тук, — стучу и зачем-то проговариваю словами, открываю дверь, вхожу в кабинет и зависаю. Вот это психолог. С сексологом никто не перепутал?

Молодая, красивая, и...

— А я разве сказала, что можно войти?

И стерва. Супер, мля, поработаем.

Глава 2. Миша

Нет, серьезно?

Смотрит на меня из-под своих очков и сверлит взглядом недовольным. Это че за психолог? Мне казалось, что они должны располагать к себе людей, а не отталкивать.

— Покиньте мой кабинет, я приглашу вас через пару минут, — выдает Стерва Витальевна. Тут, походу, шоколадкой и улыбкой точно не обойтись. Как минимум потому что улыбаться я ей больше никогда не планирую.

— Я по записи, — выдаю первое, что приходит в голову и показательно смотрю на часы на руке. Пятнадцать минут, ровно секунда в секунду, какие ко мне претензии?

— Меня предупредили, что придет сложный пациент, — говорит, опуская взгляд в какие-то бумажки, как будто я тут для мебели стою. Ау! И это я еще сложный пациент? Во новости. Че ей там Степаныч про меня наплел? — Но я прошу вас войти в мое положение и дать мне пару минут подготовиться к сеансу. От меня только вышел пациент, я не успела даже отложить бумаги о его посещении.

А вот ее улыбки, кажется, на меня действуют. Немного успокаиваюсь, ладно, может, и правда поработаем? Девчонка-то красивая, может, и не совсем стерва? Просто в коллектив военных мужиков попала, учится обороняться таким образом.

Ну, или все-таки стерва. Это надо проверить.

Но в положение все-таки вхожу, я же джентльмен, мать его. И сижу покорно в коридоре, пока через пару минут слышу звонкое “войдите”.

— Теперь можно? — спрашиваю, когда уже иду по ее кабинету. Она еле заметно закатывает глаза.

Интересный факт из моей жизни: я ненавижу, когда при мне закатывают глаза. Ну, вот такой вот триггер у меня, от бывшей еще остался. Вот этот триггер и собака ее бесячая, Бетти, блин. Белый комок шерсти размером с мою ладонь, а то и меньше. Она выпросила ее, потому что ей было скучно, что я постоянно на работе. Ну, купил. Просила же. А потом она свалила и сказала, что собака ей не нужна. Теперь мне приходится это чудо природы выгуливать каждый вечер на полянке у дома, потому что иначе она скулит как неадекватная под дверь всю ночь.

Короче, не люблю я, когда глаза закатывают, да. Передергивает меня сразу.

— Ну я же вас пригласила. Проходите, присаживайтесь, рассказывайте о своей проблеме.

Она поправляет очки на переносице и я чувствую себя первоклассником, которого отправили учить алфавит.

— У меня нет проблем, — пожимаю плечами. Их реально нет, Степаныч просто сходит с ума. То, что я солдату в нос дал — вспышка секундного гнева на его необдуманные действия. Он своим “случайно чеку вырвал” мог мне кучу пацанов трехсотыми сделать. А так пострадал он один, и то не сильно. Все честно.

— Первая проблема пациента — отрицание каких-либо проблем, — выдает она с умным видом. — Не бывает абсолютно здоровых людей, которым не нужна была бы помощь психолога. Особенно военным, Михаил Викторович.

— Можно просто товарищ майор.

— Но мы же в кабинете психолога, а не на плацу, правда? — хитро улыбается все-таки стерва. — Так что давайте по имени отчеству. Сегодня наш первый сеанс и я хочу по максимуму понять, с чем мы работаем. Как вы думаете, почему вы здесь?

— Потому что Степанычу делать нехер, кроме как проблем в моей башке искать, — челюсть побаливает от того, как сильно зубы сжимаю. Злюсь, не сразу даже заметил.

— Так, понятно. Вы считаете, вам не нужна помощь?

— А я по вашему что, на психа похож?!

— Психи — это к психиатру. Но мне кажется, вам нужна помощь, раз вы только что разломали два моих карандаша одной рукой, — она вздергивает бровь и смотрит на меня так, словно она победила.

Опускаю взгляд. Мля, реально карандаши разломал. Не заметил даже. По инерции схватил, видимо, а она выбесила, вот я и надавил разок.

— Куплю новые, — бросаю обломки этих в карман. — Не проблема.

— Проблема не в новых карандашах, Михаил Викторович, проблема в вашей агрессии.

— У меня. Нет. Никакой. Агрессии!

Еще немного и я наору на это молодое дарование с миллионом дипломов, или что там о ней говорил полковник. Она меня бесит чуть ли не больше всех остальных. Каким чудом за такой красивой картинкой скрывается такая злобная ведьма, а? Не стыкуется у меня как-то.

— В целом, мне все понятно, — кивает она. Не знаю, чему она там кивает и что ей понятно, мне вот ни хера не понятно. — Не смею вас больше задерживать, всего доброго.

Вот те номер. И это все? Ну, три предложения мне сказала, из-под лба посмотрела и все? Сеанс окончен? Супер психолог, ничего не скажешь.

С другой стороны, если она отвалит от меня за неимением причин для сеансов, то я только “за” свалить прямо сейчас.

— До свидания, — хмыкаю, встаю, иду к двери, и она выдает:

— Я поняла фронт работ и жду вас завтра в это же время. Не опаздывайте, пожалуйста. И в кабинет раньше времени не врываетесь, я приглашу вас, когда освобожусь.

— Какой еще, на хрен, фронт работ? — психую, разворачиваюсь к ней лицом, а она и бровью не ведет! Сидит пялится в свои бумажки, этим, кстати, тоже бесит! И хвост ее зализанный раздражает, помада эта красная, вырез на блузке... Вот на кой хрен ей такой вырез в целой армии мужиков?!

— К сожалению, большой и сложный, — вздыхает она. — Но если вы пойдете мне навстречу, то мы справимся. До завтра, — настойчиво говорит она, выпроваживая меня из кабинета, и я хлопаю ее дверью так же, как часом ранее хлопал в кабинете полковника. Эта тоже переживет, не страшно.

Через пару минут, когда я стою на улице и пытаюсь вдохнуть воздуха побольше, чтобы не разнести весь мир к чертям собачьим, на телефон приходит сообщение от Степаныча. Свободен на сегодня, говорит он мне, Харитонов все мои задачи закроет.

Сука, а хату мне Харитонову не отдать пожить в ней? А то как-то слишком много моего забирает этот сраный Харитонов!

Выдыхаю. А и хер с ним! Пойду домой, посмотрю футбол, закажу пожрать что-нибудь и буду делать вид, что меня ни капельки не трогает вся сложившаяся ситуация.

И на прием завтра к этой Стерве Витальевне я даже под дулом пистолета не пойду.

Глава 3. Миша

Еще один интересный факт из моей жизни: мне так не прельщало жить в соседстве со всеми мужиками из армейки, что я купил квартиру не в новостройке для военных, а совершенно в другом районе, потому что видеть одни и те же морды даже не выходных и после работы у меня просто нет сил.

И сегодня я решаю пройти пешком до дома, оставив машину на парковке около части. Завтра с утра тоже прогуляюсь, учитывая, какой тут вынос мозга происходит, мне надо побольше гулять, чтобы не треснуть еще кому-нибудь.

Вот они говорят, проблемы с агрессией. А я искренне считаю, что это проблемы с тупостью окружающих меня людей, а не с моей агрессией. Ну ей богу, одни дегенераты... Еще и Харитонов этот сука паршивая ходит скалится на меня, завтра точно улыбку ни разу не спрячет. Он же, падла, “на подхвате” у меня. По всем фронтам. Так и вижу, как он будет смотреть на меня завтра этим ублюдским взглядом: “я отобрал у тебя и это”.

Потому что помимо всего на работе он отобрал у меня еще и девушку. Карина не просто от меня ускакала, она ускакала к уроду Харитонову! А у того, видите ли, аллергия на собак. И поэтому комок шерсти теперь живет со мной, не выкидывать же.

Другом моим был! В доверие втирался, в гости ходил чай гонять, а потом стал захакивать, когда и меня дома нет. Доходилась, короче, ушла к нему. И вот все полгода после этого происшествия Харитонову я хочу вырвать кадык собственными руками. Не то чтобы я собирался звать Карину замуж, конечно, потому что у нас были довольно странные отношения, но мы в любом случае были вместе целый год. И в любом, сука, случае, она была моей!

Короче, психую. И по пути до дома пинаю камень, но когда вспоминаю про этого мудака, пинаю его так сильно, что не контролирую себя и попадаю им в окно подъезда какой-то девятиэтажки.

Косяк...

Звон стекла по всей округе, бабки на лавках орут, что я бешеный, а я быстро пытаюсь урегулировать конфликт, прошу прощения, звоню сразу в спец.службы, чтобы поставить новое окно, и ухожу домой, потому что там, чтоб ее, ждет Бетти.

Честное слово, я даже не помню породу, но что-то похожее на “шприц”. Мелочь всегда встречает меня у порога и ждет, когда я переоденусь и мы пойдем гулять. Никому не скажу, что я разрешаю облизывать ей свой нос. Никому. Никогда. Не скажу.

Днем с ней гуляет соседская девчонка-подросток, у нее есть ключи от квартиры моей. И когда меня срочно куда-то вызывают, она за собакой присматривает.

И сейчас Бетти тоже встречает меня на пороге и виляет обрезанным хвостом, подпрыгивая на месте.

— Хоть кто-то рад меня видеть, — чешу ее за ушком пару секунд, переодеваюсь и сразу выхожу с ней на прогулку.

Стою у подъезда, достаю сигарету. Бросить в нашей профессии нереально, я пробовал раз сто, каждый провальный. Бросил бросать, смирился. Курю.

Поджигаю, затягиваюсь, жизнь мигом кажется лучше. Особенно когда на ухо никто типа Степаныча и Стервы Витальевны не пытается найти в моей башке пару лишних сотен тараканов.

Сказал, что не пойду к ней больше, и не пойду. На хрен все, и Степаныча тоже на хрен.

В секунду меня отрывает от мыслей громкий визг шин и глухой звук удара. Открываю глаза и наблюдаю картину, как какой-то дебил на бэхе очевидно сел за руль, будучи слепым, потому что какого-то хера набрал скорость во дворах и снес заборчик на клумбе моей соседки тети Зины. И половину клумбы тоже снес...

Я иду на прием к Стерве Витальевне, как здорово (нет).

Все еще не считаю этот бред хорошей затеей, но вчера я разбил нос прямо об руль тому уроду, что устроил гонки в моем дворе, а потом ее фраза по поводу проблем с агрессией всплыла в башке сама собой.

Еще и окно это в подъезде, чтоб его...

Не знаю. Башка не варит, если честно. Сам иду к ней и от этого еще сильнее бешусь. Потому что что я сука за военный такой, раз слово свое не держу? Сказал же, что не приду больше! А сам иду. Вовремя, чтоб его! Минутка в минутку!

Желание отлупить кого-нибудь просто нереальное, меня изнутри прямо колотит. В целом — это мое перманентное по жизни состояние, просто раньше я держался лучше, чем сейчас. Надо будет сходить в зал и поколотить грушу, представляя на ее месте лицо Харитоновна, должно стать легче.

Снова веду плечами вверх-вниз, опять в шейно-воротниковой все как каменное, даже тут напряг, мля...

И угадайте кого замечаю? Ну бинго, Харитоновна! И он тоже замечает, и лыбится так гаденько... Желание подойти и впечатать его в землю нереальное, но я уже заранее представляю, сколько выслушаю от Степаныча, поэтому по старой схеме сцепляю зубы до боли в челюсти и иду к кабинету психолога, надеясь, что у нее не получится выбесить меня еще сильнее, потому что я и так на самой-самой грани. Спичку поднеси — пыхнет так, что мало никому не покажется.

Ровно в пятнадцать минут (а я следил за минутной стрелкой лучше, чем слежу за Бетти, когда мы гуляем, потому что бестолочь жрет все подряд) я вижу, как открывается дверь кабинета психолога, оттуда появляется голова самого психолога и она с победной (ну еще бы) улыбкой говорит мне:

— Проходите.

Бешусь сразу же. Что она улыбается? Знала, что припрусь? Я вот до последнего не знал!

Но прохожу. Притащился же уже, че зря энергию растрчивать.

В кабинет сразу захожу за Стервой Витальевной (не забыть бы к ней обратиться как к Екатерине) и просто по-человечески залипаю на то, как красиво она вертит красивыми бедрами, обтянутыми юбкой, пока идет к своему месту. Нет, вот серьезно, такая эффектная барышня и так мозги профессионально выносит. Даже обидно!

— Итак, — начинает она. Сижу напротив нее, стараюсь принять максимально расслабленную позу. Она же закидывает ногу на ногу и стучит карандашом по столу, — что случилось?

Че, мля, она спросила?

— Мы каждый день будем просто по кругу обсуждать, кто и зачем меня направил на эти сеансы для душевнобольных? — делать вид вселенского спокойствия уже не так-то просто.

— Я не это спросила, — качает она головой. — Я спросила, что случилось вчера после работы или сегодня до этой минуты, что вы все-таки ко мне пришли. Потому что я даю вам стопроцентную гарантию того, что вы не собирались сюда больше. Но что-то явно произошло, что вас подтолкнуло. Я слушаю.

Ну, приехали. Если я ей расскажу сейчас про окно и того козла на бэхе, она точно запишет меня в отряд истеричек. И Степанычу доложит. И насрать ей будет, что с окном — случайность, а такие, как тот козел, иначе не понимают.

У меня ж, блин, проблемы с агрессией!

Дышу... стараюсь, по крайней мере. Надо срочно остыть под холодную воду и покурить. Две подряд. Очень надо.

— Выполняю приказ начальства, ничего не случилось, — жму плечами. Убедительно?

— Вы врете.

Не убедительно...

— Очень профессионально обвинять человека во лжи, — выдаю ей. — А Лев Степаныч вас так нахваливал.

— А мой профессионализм не вам судить, Михаил Викторович. Если вы не готовы со мной работать, то я прошу покинуть кабинет и не занимать мое время. На сегодня занятие окончено, всего доброго.

Она снова (как и вчера) утыкается взглядом в бумажки, а я понимаю, что обиделась. Даром, что психолог, обычная девчонка. Обиделась! А я даже не сказал, что он плохой психолог. Че я ей вообще сказал? Ни черта не помню, ляпнул на эмоциях.

— Завтра в то же время? — спрашиваю, а она поднимает только взгляд и из-под очков испепеляя меня, говорит:

— А завтра видеть вас у меня тоже нет никакого желания.

Вот и приехали...

Ну и к лучшему! Теперь Степаныч мне не вынесет мозг, потому что я не прогуливал ничего, это от меня сама дамочка отказалась. Лучший расклад событий.

Молча выхожу из кабинета и... зачем-то не ухожу. Стою. И даже дверь до конца не закрываю.

Слышу как громко дышит, что странно, потом отрывисто:

— Лев Степаныч, я отказываюсь работать с ним. Все понимаю, ему правда помощь нужна, но направьте его в поликлинику к штатному тогда. Вы же знаете, как я за это место под солнцем со всякими профессорами дралась и профессионализм доказывала, слушать, что я плохо справляюсь, я не собираюсь. Да. Всего доброго.

А потом она шмыгает носом.

Фак, ну... Ну фак!

Глава 4. Катя

Товарищ Козел он, а не товарищ майор. Явно же с агрессией у него проблемы, а он, вместо того, чтобы помощь принять и спокойно ходить ко мне на сеансы, как маленький ребенок брыкается и эту же агрессию на меня еще и вымещает. Как будто я виновата в том, что он псих! Или как будто не я ему помочь пытаюсь.

Я за свою пока еще не особо долгую карьеру уже много с кем успела поработать, и вот даже среди десятков детей, этот — самый противный.

“А Лев Степаныч вас так хваливал...”. Да потому что Лев Степаныч знает, сколько времени я доказывала свой профессионализм перед всякими профессорами! И знает, как мне важно было это место, что я зубами рвала! Я диссертацию пишу, хочу вносить свой вклад в науку, новые карьерные перспективы открывать, в конце концов! А с военными работать это же непаханное поле, у них у каждого найдется то, что нужно скорректировать.

Ну, кроме майора Стрельцова, конечно. Ведь у Михаила Викторовича “нет проблем”.

Придурок...

Нельзя так, конечно, но и я же не вслух! Думать я могу о нем все, что угодно, а на профессиональном языке скажу только то, что ему нужна помощь. Мужик он, кажется, нормальный (точнее, мог бы им быть, если бы не вел себя как козел), но проблемы с агрессией появились явно не на пустом месте. Случай очень интересный, я бы правда хотела ему помочь, но пока он сам не захочет — у нас ничего не выйдет.

Видела я, как он дверь не до конца прикрыл и как стоял рядом. Надеюсь, он мое маленькое представление услышал. Должен же он быть настоящим мужиком, раз военный! А значит, женские слезы будут сподвигать его к поступкам. А их играть я всегда отлично умела, не зря же в театральный кружок еще в школе ходила.

Конечно, Льву Степановичу я не звонила, мне же не три года, в конце концов, чтобы жаловаться на мальчиков, которые меня обижают. Мне двадцать шесть, я практикую уже пять лет (еще после бакалавриата начала работать), прошла кучу курсов повышения квалификации. Я немного (очень много) умею манипулировать людьми, и, мне кажется, к этому пациенту я очень быстро нашла подход. Посмотрим! Осталось добавить щепотку “правды” и пациент у меня в кармане.

Иду ко Льву Степановичу. У меня с ним хорошие отношения. Но то, что он двоюродный брат моей мамы вообще никак на мое место тут не повлияло, я всегда всего добиваюсь сама и терпеть не могу, когда кто-то хочет замолвить за меня словечко.

— Товарищ полковник, можно?

— Проходи, Катюш, — улыбается мне, — что ты так официально.

— Ну, работа же, — пожимаю плечами. — Я к вам, собственно, по делу! По делу Стрельцова...

— Господи, опять он, — Лев Степанович прикрывает глаза и сжимает пальцами переносицу. — Что, вообще не поддается, да? Не представляю, что делать с ним. И лишаться такого специалиста жалко, но и спасать себя он не хочет! Вчера он ударил пацана, а завтра что? Выстрелит со злости?

— Лев Степанович, не волнуйтесь, я ему обязательно помогу! Вы только подыграйте мне, пожалуйста. Немножечко. Мне бы подтолкнуть его в верную сторону и все будет в порядке. Поможете?

— Помогу! В моих интересах, чтобы он в строю остался. Что надо делать?

Улыбаюсь. Не уйти тебе от меня, Михаил Викторович, никуда не уйти.

Лев Степанович сказал, что сделал все, что я просила, поэтому я со счастливой улыбкой складываю вещи и наконец-то собираюсь домой. Пока работаю в части, мне выделили небольшую квартиру тут в новостройке для военных, поэтому идти мне всего минут десять, а потом можно спокойно сидеть на своем балконе двадцатого (мечта!) этажа и пить кофе с молоком, рассматривая красивый закат.

Впереди два выходных и я очень хочу съездить в соседний город на шопинг и просто на прогулку. Тут особо некуда сходить, в три улицы, одну из которых занимает военная часть. Не предел мечтаний, конечно, но диссертация сама себя не напишет, а опыт сам себя не нарабатывает. Поэтому я не жалею, а просто привыкаю к новым реалиям.

Спускаюсь по ступенькам и мечтаю поскорее дойти до дома, потому что я сегодня надела новые туфли и мои ноги немного устали от такого напряжения. Но красивые, зараза...

Громко цокаю каблучками, пока иду к выходу, собираю много взглядов, они льстят, чего уж там. Улыбаюсь снова и на секунду застываю от громкого голоса:

— Екатерина Витальевна?! — зовет меня майор Стрельцов. От неожиданности я и правда чуть не сбиваюсь с шага, но успеваю взять себя в руки и сделать вид, что я его не слышу и что вообще мне с ним не о чем разговаривать. У меня образ обиженной женщины, нельзя из него выходить. — Екатерина Витальевна, постойте, — повторяет.

Что уж. Стою. Но оборачиваться к нему не спешу. Сам пусть подходит, если так надо видеть мое лицо.

Он так и делает. Прикусываю щеки изнутри, чтобы не улыбаться. Уже можно праздновать победу?

— Чем обязана? — спрашиваю, опуская взгляд на свои туфли. Как же я хочу их снять...

— А я вам мороженое принес, — выдает он катастрофически неожиданно и протягивает мне красивый рожок с малиновой, судя по упаковке, начинке. Слюнки текут. — Возьмите, пожалуйста, и не обижайтесь на то, что я там наговорил..

— У меня аллергия на молочку, увы, — вру ему, уверенно глядя в глаза.

— Мля, — он выдыхает. Смешной до чертиков! — А клубнику любите?

Пожимаю плечами.

— Аллергия.

— Да чтоб его... Цветы?

— Не поверите...

— Аллергия? — догадывается он. Киваю. — Давайте иначе: на что у вас еще аллергия?

— Очевидно на вас, товарищ майор. Я спешу, всего хорошего, — выдаю ему самую натянутую улыбку из всех имеющихся в моем арсенале и оглядев его, ухожу к воротам, чтобы теперь уже с точным чувством победы уйти домой.

Теперь он точно придет на мои сеансы и признает, что ему нужна помощь. Вот так вот, товарищ майор...

— Ну нет уж! Екатерина Витальевна, — снова слышу голос и быстрые шаги позади, — что мне сделать, чтобы вы улыбнулись?

Вот дурень, а. Взрослый же вроде мужик.

— А отвезите меня домой, — выдаю первое, что приходит в голову. — Туфли так ноги натерли, что я бы улыбнулась от такого облегчения.

— Вот хотите верьте, хотите нет, но только сегодня я без машины приехал...

— Тогда до свидания, Михаил Викторович. Не судьба мне вам улыбнуться!

Я ухожу сразу же, тихо хихикая себе под нос, и слышу за спиной:

— Зимин, ну какого хера ты в окно высунулся? Выпадешь, башкой ударишься, а она у тебя и так работает с перебоями! Сгинь отсюда!

— Извините, товарищ майор, — блеет солдат.

— Извините, — кривляет тот. — Не работает это ваше извините! Ушла вон все равно недовольная, чтоб ее...

Глава 5. Миша

Степаныч вынес мне мозг. Что я такой сякой девчонку молодую обидел, как сотрудника ее унизил, в профессионализме ее усомнился и прочее прочее, что он мне двадцать минут на мозги капал.

В итоге выдал:

— Ты или идешь и работаешь с ней по-человечески, или, клянусь, мне такой человек больше не нужен! Отправлю в отставку и катись на все четыре стороны, Стрельцов!

В отставку он, конечно, меня не отправит, пугает только, но перед девчонкой виноват, сам своей башкой все это понимаю. Ляпнул с психу! Кто ж знал, что Стерва Витальевна такой ранимой барышней окажется. Она вообще не казалась такой, кто может по пустякам поплакать. Больше похожа на ту, кто за малейший косяк яйца оторвать может, но, очевидно, в людях я разбираюсь достаточно хреново.

Короче, решил по-человечески к ней подойти, все-таки признаю, что неправ, думал, поговорим и успокоится. А она что? Аллергия у нее на все подряд и на меня, естественно, больше всех, ну как же иначе-то!

Короче, у меня с ней не клеится вообще никак, но завтра придется тащиться к ней снова, потому что я уже и сам в себе запутался и еще раз Степаныча злить не хочу. Он-то мужик нормальный, просто прикопался ко мне что-то! У самого тараканы башке активизировались, а он в моей ищет что-то.

Иду домой пешком, стараюсь дышать поглубже, потому что даже тут по пути меня все раздражает. Особенно меня бесит картина, которую я наблюдаю, когда прохожу мимо военного городка (местные все так называют новостройку и большой двор, где все военные и их семьи живут). Потому что я вижу, как Харитонов идет по двору, а Карина выбегает ему навстречу и виснет на шее, целуя его в щеку. И выглядят они при этом как самая счастливая в мире парочка.

У меня не осталось чувств к Карине. Ничего, кроме чего-то негативного, названия чему я не готов отыскивать в недрах своей души. Я не грущу по временам, когда мы были вместе и не желаю вернуть ее обратно и простить ей даже то, что она трахалась с моим другом, пока я был в командировке.

Но сука как же бесит! Меня вот так ни разу не встречали. И то ли я был настолько хреновым, что не удостоился такой чести, то ли не считали нужным меня вот так встречать никогда.

Но от увиденной картины меня воротит и гнев, который я так сильно пытался потушить внутри разгорается с новой силой. Меня практически колотит изнутри, кулаки сжимаются, желание догнать Харитонova и втоптать его в асфальт такое сильное, что пугает даже самого меня.

Дышу — не помогает ни черта вообще. Глубже дышу — толку ноль. Мне кажется даже если весь кислород втяну — не успокоюсь уже. Может, права была Стерва Витальевна-то, что у меня проблемы с агрессией? Хер его знает! Все еще считаю что проблема исключительно в том, что вокруг они долба... дебилы, короче, вокруг.

Почти подхожу к дому, как замечаю картину совершенно моему глазу неприятную. Вижу, как к девчонке клеится какой-то дебил. Чересчур активно клеится, а ей, судя по всему, вообще не нравится это внимание. Он типичный гопник, она девчонка молоденькая совсем, стоит в платье в горошек и смотрит в пол.

Подхожу сразу же. Я человек военный, девчонок никому обижать не дам. Слабый пол защищать надо, а не издеваться над ними.

Вспоминаю, как обидел Екатерину Витальевну. Да сука! Что ж такое-то, а...

— Ребят, у вас нормально все? — спрашиваю. Девчонка сразу глаза поднимает, смотрит на меня как олененок испуганный и качает головой. Не в порядке. — Обижает?

Она кивает.

— Слыш, дядь, иди куда шел, — посмеивается этот уродец. Осматриваю с ног до головы. Ему в армейку бы... Да ко мне на полигон. Я бы из него человека вылепил, — не мешай молодым развлекаться.

— А девушка развлекаться с тобой хочет, ты ее спросил? — зубы сжимаю снова так сильно, что больно. Мне кажется, я такими темпами буду ходить со вставной челюстью, нахер раскрошатся все.

— Тебе-то какая печаль? — он сплевывает на землю. — Щас не хочет, через час захочет. Да, куколка?

“Куколка”, очевидно, с его словами не согласна, но он так стоит перед ней, что уйти не дает. И я не вижу ничего лучше, чем оттащить этого уродца за ухо от нее и дать ей пройти.

Он мельче меня прилично так, девчонка хихикает, говорит “спасибо” и убегает, пока этот верещит у меня в руках и что-то там обещает мне сломать. Давай, ага, жду. Сломалку не сломай только.

Дожидаюсь, пока девушка убежит так, чтобы этот ее не нагнал, отпускаю, а он серьезно драться лезет. А я и так как на пороховой бочке, мне вот только такого чуда для полного-то счастья и не хватало!

— Я не понял, а ты че полез-то вообще? — заряжает мне он и выдает самую ужасную для его целого носа фразу: — Себе ее заприметил, что ли? Так сказал бы, договорились по-человечески, по очереди, зачем сразу с силой-то!

Если меня посадят за то, что я врезал двадцати трех летнему гопнику, я отсижу этот срок с чувством достоинства, потому что такую херню нести и не получить за это в челюсть — практически грех.

На часах пятнадцать часов и пятнадцать минут ровно. Я, как сраный отличник, сижу под кабинетом и жду своей очереди. Не вхожу раньше положенного, не рвусь по времени, покорно жду. Вчера, пока гулял с Бетти, пошел проверил, как поставили окно в доме, где я его случайно разбил. Потом помог бабе Зое, соседке, вернуть заборчик на клумбе на место, вспоминая, как размазал слепого уродца прямо об руль. Потом этот вчерашний под горячую руку попался, а вечером на пульте от телика сели батарейки и я так сильно швырнул его в стену, что у меня в стене теперь дыра от пульта.

Кажется, я и правда чертов псих.

Докатился, Стрельцов...

Екатерина Витальевна выходит из кабинета вместе с Синицыным, тот снова весь расплывается в улыбке и говорит ей спасибо за сеанс, а она притормаживает прямо напротив меня и смотрит странно. Что?

— Я вчера сказала, что сегодня вас видеть тоже не хочу, — напоминает мне, но грубости в голосе больше нет, обиды, вроде как, тоже.

— А я соскучился.

— Вы отвратительно врете, товарищ майор. Что-то снова случилось?

Да как она, черт возьми, это делает?! Мы вообще не знакомы, откуда она знает, что каждый мой визит сюда — это не просто выполнение приказа начальства? Она мысли читает? Тогда пусть перестает, в них очень до фига неприличного.

— У нас же назначен сеанс, — жму плечами.

— Если вы пришли сюда только из-за того, что вам назначено, тогда, все-таки, эти сеансы не помогут вам совершенно. Увы. Пациент должен понимать, с чем мы работаем. Это как желание бросить курить. Пока человек не захочет сам — у него ничего не выйдет.

— Я бросал курить раз тридцать, — зачем-то говорю ей. Я все еще сижу в коридоре, она все еще вся из себя красивая возвышается надо мной. Невольно опускаю взгляд на ее ноги: снова высокий каблук.

— Бросили?

— Нет.

— Значит, не задали себе достаточную мотивацию. Почему вы сюда пришли, Михаил Викторович? — спрашивает она снова. Я опять молчу. Ей богу, ей нельзя ничего знать о моих косяках, иначе Степаныч запрет меня в дурку завтра же и никакого повышения мне в ближайшую вечность не видать! А я не собираюсь в майорах до пенсии ходить.

— Я...

— Я дам вам три минуты на то, чтобы вы выбрали правильный ответ, пока схожу за кофе. Прошу простить меня за то, что отлучусь, но если не выпью кофе — просто умру.

Киваю и слежу взглядом за тем, как она удаляется по коридору, красиво виляя бедрами в узкой юбке. Ей чертовски идут эти наряды, а у меня достаточно хорошее зрение для того, чтобы оценить красивую женщину по достоинству.

Она возвращается через три минуты, как и обещала, встает напротив меня. Ждет ответа на свой вопрос, а я, вместо этого, замечаю, какой кофе она держит в руках. К счастью, стаканчик у нее без крышки, и...

— Латте? — спрашиваю. Кивает. — На обычном молоке? — снова кивает и хмурится. — А как же аллергия на молочку, Екатерина Витальевна? И на клубнику. И на цветы. И на меня.

— Проходите в кабинет, Михаил, — выдает она внезапно с настоящей улыбкой, сбивая меня этим с толку. Я поймал ее на лжи, но в целом еще вчера было понятно, что никакой аллергии у нее нет. Но ей все равно! Она только улыбается, еще и глоток кофе делает прямо при мне, а потом заходит в кабинет, оставляя двери открытыми.

Ну что, походу, придется сдаваться...

Как я, нахрен, за каких-то три дня так сильно поменял свое отношение к этому чертовому кабинету?!

Глава 6. Катя

Не то чтобы я собиралась долго врать ему о том, что моя аллергия — чистой воды выдумка, но и так быстро раскалываться тоже не хотелось. С другой стороны, начинать общение с обмана — не лучшее дело, поэтому я даже рада, что он все так быстро понял. Позволила себе улыбнуться.

Огромный грозный военный габаритами, наверное, два на два сидит напротив меня в моем кабинете, у него проблемы с агрессией и, я готова поспорить, он кого-то избил, просто пока еще не признался, а я на удивление чувствую себя спокойно, потому что вижу в его глазах, что девушку он никогда не обидит. Не по жизни он злой, а по стечению жизненных обстоятельств, с которыми он не смог справиться в силу разных причин. Нормальное явление, очень частое. Главное, что он, вроде как, идет навстречу тому, чтобы мы начали работать над этим, а значит, все пойдет быстро и продуктивно.

— Я вас слушаю, — говорю ему. Делаю глоток кофе, кажется, и правда заново начинаю жить, когда любимый напиток попадает на язык. — Расскажите мне все, что случилось за те три дня, пока вы отказывались со мной работать по причине моей профнепригодности.

— Екатерина Витальевна, — рычит он. Натурально рычит, у него голос подрагивает так, что я даже невольно сжимаюсь в своем кресле. Не Миша он, медведь настоящий. Медом его, что ли, прикормить, чтобы сопротивляться перестал... — Что мне сделать, чтобы мы закрыли тему? Я еще раз извиняюсь за тот разговор.

— Что вам сделать... Сдаться в мои руки на терапию! Прекратите сопротивляться и давайте работать вместе? Вместе у нас получится гораздо лучше, чем у меня одной.

— Да сдался уже, — вздыхает он и опускает плечи.

— Тогда рассказывайте. Все, что так или иначе могло показаться вам странным в своем же поведении.

— Я случайно разбил окно в многоэтажке. Пнул камень, пока шел домой, переборщил.

— Никто не пострадал? — уточняю сразу, потому что я даже боюсь представить, какая сила крылась в том ударе. Я вообще боюсь представить, сколько в этом мужчине сил.

— Только окно. Я уже оплатил его замену, там все новое. — Киваю, призывая продолжать. — Ну... еще я сломал нос одному идиоту об руль. Он заехал во дворы и снес половину клумбы моей соседки, слава богу, что не сбил человека. А еще вчера какой-то уродец приставал к девчонке, я ему популярно объяснил, что девушек обижать нельзя.

— Кулаками? — спрашиваю, вздыхая. Что ж он только так все проблемы решает, а...

Крутит в воздухе пальцами, подтверждая мои догадки.

— А солдат? Лев Степанович говорил, что вы ударили одного из парней.

— Он мне чуть половину роты не угробил своими кривыми руками. Я вспылil.

— А раньше вы как часто применяли физическую силу для решения проблем? Ну, допустим, год назад.

Михаил задумывается, словно пытается вспомнить, и я понимаю, что не было такого раньше. Сейчас же буквально он каждый раз решает проблемы только так, не видя другого выхода. И я понимаю, что гонять на машине во дворах и портить имущество — не лучший поступок, и что девушек защищать тоже нужно, но все это словно комом спуталось около него и раз за разом делает его агрессию только сильнее.

— Год назад не помню, чтобы дрался, — признается он.

— А первый раз за долгое время когда произошел? Помните?

Он сжимает челюсти сразу же, как только спрашиваю. Помнит. И, выходит, это было не беспочвенно. Хватаюсь за его эмоцию, сразу же делаю пометки в блокноте, понимаю, что сей-

час, если он решит открыться, то поведает мне что-то очень важное для нашей с ним дальнейшей работы.

— Помню, — кивает. — Полгода назад я избил своего лучшего друга.

Снаружи я спокойна, точно скала, потому что я профессионал и не имею права бурно реагировать на любого рода рассказы. Я — оплот спокойствия для своих пациентов. Но изнутри я в ужасе, если честно...

— Поделитесь причиной?

— Я застал его в постели с моей девушкой. Не сдержался, отлупил. Башню снесло от злости.

Черт... В целом, копать глубже как будто бы и не нужно. Все на поверхности, он сам поведал мне причину своей агрессии. Хотя, конечно, наверняка во всей этой истории есть еще много деталей, но основа мне понятна и я в диком ужасе.

Чисто по-женски мне хочется его даже обнять, а еще сказать, что она не достойна срыва его нервов, раз поступила с ним так, и что друг значит был совсем не другом.

Но сейчас я не женщина, я психолог, поэтому я только делаю себе пару пометок и перекидываю одну ногу на другую. Чертовы туфли, дернул меня черт снова надеть их! Мазохистка, честное слово...

— Поняла, — киваю. — В целом, ваша реакция вполне ясна, а дальнейшая агрессия обоснована тем, что вы, скорее всего, никак не можете отпустить ситуацию. Я права в этом?

Он молчит. Ему совершенно не нравится открывать душу кому бы то ни было, это видно. Особенно мне. Той, с кем он изначально не ладил. Михаил не производит впечатление человека, который обожает душевные разговоры за чашкой чая по вечерам. Он военный, у него спина ровная настолько, что мне даже больно, и что-то мне подсказывает, что осанка эта идеальная не от хождения с книгами на голове, а от постоянного напряжения.

— Не то чтобы я не отпустил, — начинает он. Говорит сквозь зубы, а еще на протяжении всего разговора у него сжаты кулаки. Этот мужчина вообще умеет расслабляться? Хотя как-то. — Просто они мелькают часто перед глазами, как самая счастливая семейная парочка, меня... немного выводит из себя.

Снова киваю. Если бы мой мужчина ушел к моей подруге и я бы каждый день видела их рядом с собой, я бы, наверное, крышей поехала... Его состояние абсолютно объяснимо, но ему просто нельзя в нем находиться! Категорически запрещено, учитывая его место работы и должность, поэтому, будем работать.

— На сегодня я вас мучить больше не буду. Дам парочку заданий и рекомендаций. Во-первых: я запрещаю вам бить людей, товарищ майор. Если только это не самозащита и вы обороняетесь от кого бы то ни было. В ином случае — нет! Хотите объяснить парню, что нельзя обижать девушек? Прочтите ему лекцию. Кто-то нарушает правила и портит имущество? Звоните в полицию. Никакого рукоприкладства! Вообще!

— Еще что? — он недоволен поворотом событий, но мое “пожалуйста, постарайтесь сдерживаться” с ним не пройдет. Он скажет “не удержался” и все. С ним надо иначе. Хитростью, по-другому не получится.

— А еще с этого дня вы ведете дневник.

Открываю свой ящик, где храню тетради для пациентов и понимаю, что я не успела понять, как они все закончились и я не купила новые. Вот же... Давать ему задание купить тетрадь и ручку, чтобы вести дневник означает забыть об этом и вовсе. Он не сделает, дураку понятно.

Черт...

Лезу в сумку. Я вчера себе купила новый блокнот и начать его еще не успела. Красивый, до ужаса! Я влюбилась в него с первого взгляда, но здоровье пациента мне гораздо важнее, да и блокнот куплю новый, как раз на выходных собираюсь в соседний город на шопинг, так что...

Достаю его и буквально отрываю от сердца, отдавая майору.

— Это че? — кривится он, не прикасаясь к блокноту. Вздыхаю и кладу его рядом с ним.

— Это — ваш личный дневник. С сегодняшнего дня вы должны вести его ответственно и без пропусков. Писать свои мысли и чувства, которые так или иначе могут касаться наших занятий. То есть, если вам очень хочется рубленую котлету — писать не надо, но если вам хочется кому-нибудь сломать нос, сразу же берете и пишете подробно, как и почему эта мысль вас посетила. Понятно?

— Екатерина Витальевна, вы издеваетесь надо мной? Я что, похож на восьмиклассницу, комната которой увешана плакатами какого-нибудь там Бирбера? Или кого они слушают.

— Никакого издевательства, личный дневник ведут не только девочки-подростки.

— Розовый и пушистый? — взрывается он и поднимает блокнот, показывая его мне, словно не я его вчера в магазине полчаса щупала.

Но мне так отчаянно хочется смеяться! Я не нарочно! Честное слово! Отдала буквально последнее свое, совершенно не подумав о том, что розовый блокнот с пушистой обложкой в руках майора будет смотреться довольно... комично. И мило!

Не подаю виду, что хихикаю с этой картины, но давать заднюю уже нельзя. В конце концов, в этом нет ничего постыдного. Просто блокнот.

— Я каждому пациенту выдаю такие, — пытаюсь спасти ситуацию, — в этом ничего критичного. Главное — то, что будет написано внутри, а не обложка.

— Во что я ввязался, Господи, — прикрывает он глаза и трет переносицу пальцами. Невольно поглядываю на то, как от этого движения у него напрягаются мышцы на плечах. Сглатываю.

Во что я ввязалась — тоже хороший вопрос...

Глава 7. Миша

Сумасшедший дом, а не армейка, вот честное слово. Сюда всех набирают как, по объявлению? А в том написано: “иметь возможность выводить из себя майора Стрельцова”. Иначе я не понимаю, каким образом тут такая концентрация всех, кто выносит мне мозг.

Сидит. Смотрит на меня, сдерживает улыбку. Смешно ей. Я на миг решил, что не буду ее больше никак в своей голове называть, кроме Екатерины, но в воздухе переобулся, потому что она самая настоящая Стерва Витальевна и никак иначе.

Вручила мне блокнот. Мало того, что сказала вести его, точно я влюбленная школьница, которая там будет писать о чувствах к старшекласснику, так и блокнот, мля, розовый! Пушистый, сука!

Клянусь, этот кусок пушистого картона отличается от моей собаки только цветом. Всё!

Ни то, ни другое, мне вообще никак не подходит, но почему-то Бетти ждет меня дома, а блокнот уже у меня в руках. Это как, нахрен, вообще вышло, а?! Мне кажется, или мной манипулируют все, кому ни лень, а я по какой-то вообще неведомой причине все это хаваю?

Выдыхаю, мне надо, очень-очень надо успокоиться, но как сдерживаться, меня пока никто не научил. Сжимаю пальцами между глаз, стараюсь дышать глубоко, но чувствую, что еще немного и я сломаю себе к чертям эту переносицу.

Она говорит: у вас проблемы с агрессией. А потом сама на эту агрессию и влияет! Господи, дайте мне сил.

Надо срочно что-то сделать, а раз людей мне бить теперь запрещено (какого вообще сраного черта она мне что-то запрещает?!), надо побить что-то, что не чувствует боли.

— Может, вы мне хоть таблеточки какие выпишете? — спрашиваю снова сквозь зубы. Придется отвалить кругленькую сумму потом, чтобы спасти все зубы, которые точно раскрошатся от такого давления постоянного. — Раз говорите, что у меня агрессия.

— А за таблеточками тоже к психиатру, — вздыхает она и смотрит на меня с сожалением. — У нас другие методы.

Зашибись просто. А можно мне уже эти методы?

— Я пойду?

— До завтра, — она кивает, а я хватаю со стола это розовое исчадие ада и вылетаю из кабинета с сумасшедшим желанием не возвращаться туда вообще никогда.

У меня с этим кабинетом какие-то абьюзивные отношения. Я туда то как на каторгу иду, то сдаюсь и иду спокойно, то вот как сейчас вылетаю со злостью и нежеланием вообще знать о его существовании. К Стерве Витальевне, кстати, отношение плюс-минус похожее. Смотреть на нее можно часами, барышня очень яркая, но вот сдаваться ей в качестве пациента... увольте, пожалуйста.

Меня все еще колотит изнутри, ну вот на кой хрен со мной это происходит? “Вы не отпустили ситуацию”. Да похер мне! Не жалею я, что ушла от меня, что друг дерьмом оказался, что кинули меня оба, а теперь живут счастливо, в отличие от меня! Не жалею. Да мне вообще насрать!

Но тем не менее залетаю в свой кабинет, швыряю чертов блокнот на стол и лечу в спортзал, потому что еще чуть-чуть и я точно разнесу что-то такое, за что меня никто по голове не погладит.

Может, реально к психиатру сходить? Пропишет мне таблеточки, станет мне на все насрать, Степаныч перестанет мозг выносить.

Ага. Это я настолько слабак, что с психами просто справиться не могу, что ли? Докатился до таблеток? Что я за военный тогда такой. Дерьмовый, выходит.

И вопреки мыслям меня от этого псих еще сильнее накрывает.

Скидываю китель, остаюсь в майке, иду сразу к груше. У меня еще полчаса выделено на занятие с психологом, а любой спорт гораздо лучше психолога, поэтому я забиваю на бинты и на перчатки, луплю грушу наотмашь, чувствуя боль в костяшках, которая, как забавно, отлично заглушает кипящую от злости кровь в венах.

И я бью, представляя лицо Харитоновы, представляя того придурка, что девчонке прохода не давал. И того, кто решил, что во дворе можно устроить Формулу-1. Представляю даже себя и бью со всей силы за то, что стал таким идиотом, что не могу взять себя в руки, что дошел до ручки и что просто не могу контролировать свои эмоции.

Я бью грушу до тех пор, пока не чувствую, как кто-то меня от нее оттягивает. Пот заливает глаза, не вижу ни черта вообще, вытираю майкой лицо и понимаю, что кто-то на меня орет, но от адреналина я еще и не слышу толком ничего, в ушах звенит.

Меня толкают, я падаю на лавку, вижу перед собой Степаныча. Да, бляха, ну что ж ты так вовремя каждый раз!

— Степаныч, — говорю, пытаюсь отдышаться. И его слушать не особо хочу, — ты мне что, жучок куда-то вживил? Ты же так вовремя каждый раз появляешься?

— Да! — орет он. — В задницу! На которую ты вечно себе приключения ищешь! Ты же устроил, Стрельцов?

— Да че ты орешь? — морщусь. Башка лопнет сейчас от его оров. — Психолог ваш со всех сторон образованный драться мне не разрешила. С живыми людьми! Я вот сюда спастись пришел, стресс снимать, чтобы ни на кого из бойцов не бросаться, все, как вы просили!.

— А кулаки в мясо я тебя разбивать просил? Бей грушу, пожалуйста, но перчатки тебе на кой тут висят? Идиот!

Опускаю взгляд. Оу... И правда в мясо. Все кровью залило, разбито до самых суставов, походу.

Ну... зато мне спокойно сейчас как никогда.

Степаныч кидает мне полотенце, заматываю руки. Даже боли не чувствую, вообще по боку.

— Ты достал меня, Стрельцов! Иди к Кате, бегом! У тебя по времени сеанс!

— Она отпустила меня на сегодня.

— Значит попроси с тобой дополнительно поработать! Потому что с такими наклонностями тебе или к ней, или к психиатру под капельницу, выбирай! — орет и выходит, хлопая дверью. И у кого это еще тут проблемы с агрессией?

Ой, да в баню...

Встаю. Пошатывает от адреналина, но иду. Полотенце пропитывается кровью. По-хорошему к медсестре сходить бы, но там такая бабулька уже в возрасте у нас сидит, что пугать ее своими кулаками я не готов, придется потом еще от приступа откачивать, спасибо.

И я опять иду в этот чертов кабинет.

Нет, ну как это работает... Что за аномальная зона?!

Стучу кончиками пальцев, потому что кулакам, мягко говоря, пришел полный пи... кабздец.

— Входите! — мягким голосом. Точно не меня ждет, раз добренькая такая.

Ну, вхожу, что делать-то.

— Степаныч сказал к вам идти, — пожимаю плечами. — Говорит, мне нужны дополнительные сеансы. Я посижу тут оставшиеся пятнадцать минут? А то он сожрет меня, честное слово.

Она смотрит на меня с открытым ртом и глазами, полными ужаса, кивает. Прохожу, сажусь, замечаю, что полотенце уже полностью в крови. Еще и белое, мля... Можно выкинуть.

— Михаил Викторович, а что вы сделали? — она тоже видит кровь. Естественно, блин, она видит, она уже снова по пальцам течет.

— Грушу поколотил. Все как вы сказали: людей нельзя! Я никого не тронул.

— А вы не человек разве? — спрашивает она и встает со своего места, идет к какому-то шкафчику, достает аптечку. Серьезно? — Снимайте полотенце, товарищ майор. И расслабьтесь, насколько это возможно.

— Звучит так, как будто я вышел из душа в одном полотенце, — почему-то вдруг выдаю это и замечаю, как Стерва Витальевна поднимает одну бровь, глядя на меня с осуждением. — Виноват!

— Руку давайте, и помолчите, ради всего святого. Вам так больше идет.

Глава 8. Катя

Майор Стрельцов, или попросту Михаил Викторович — самый невыносимый пациент на новом месте работы.

Нет, ну правда!

Я не говорю, что он плохой. У меня не бывает плохих пациентов. Но невыносимый он до самых кончиков пальцев.

Вот хороший же мужик, тут особо и психологом-то быть не надо, чтобы понять. Потому что даже в фазе сложного морального состояния (пусть он его и отрицает) он очень мило пытался передо мной извиниться за свои слова о моем непрофессионализме. И дело вообще не в том, что его Лев Степанович попросил или в чем-то другое, нет! Дело в самом Михаиле. Он понял, что обидел девушку, он очень заботливо, прошу заметить, принес мороженое! И много раз спросил, что ему сделать, чтобы я его простила. Лишь только потому, что он этого хотел сам.

Был бы он плохим человеком, он бы давно плюнул и на мою обиду, и на мои сеансы и вообще на меня.

Он совершенно не злой, его агрессия — результат жизненных событий, который на любом бы оставил отпечаток. И пережить от это все не может, потому что то прошлое, которое ему сделало больно, каждый день напоминает о себе. Все очень просто.

Но при этом он, будучи взрослым мужчиной, продолжает делать сумасшедшие глупости! Вот зачем надо было доводить свои руки до такого состояния, вот зачем?! Это с какой вообще силой надо было бить эту несчастную грушу, чтобы его кулаки были похожи на кровавое месиво? Хотя, глядя на размеры его плечей и бицепсов легко представить силу его удара...

Я шла на психолога, а не на любого другого врача, чтобы не работать с кровью, но теперь сижу на столе перед Михаилом (я сидя на столе получаюсь одного роста с ним, который сидит на стуле) и пытаюсь понять, с какой вообще стороны начать обрабатывать этот ужас.

Я прекрасно понимаю, почему он не пошел ко врачу. Ну, во-первых, ему явно по-барану на свои разбитые руки. А во-вторых женщина, которая сидит в том кабинете, умрет от сердечного приступа прежде, чем остановит кровь уж точно. Заходила я к ней на днях за таблеткой от головной боли, видела ее. Ей такой хоррор противопоказан. Ходят слухи, что она дорабатывает последний месяц и на ее место приходит кто-то новенький. Надеюсь, мы подружимся. Мне хотелось бы с кем-то общаться в этом городе, никого совсем нет, только куча солдат, которые присвистывают мне в след и отвешивают сальные комплименты.

— Михаил Викторович, — зову его. Он поднимает на меня взгляд, а там — тишина и спокойствие. Я такое у него впервые вижу! Seriously! Никакой агрессии и желания убивать мир, ничего злого, совершенно! Так, осталось понять, на него так действует физическая усталость или причинение боли себе? Если второе, то у нас катастрофически большие проблемы. Но что-то мне подсказывает, что все-таки дело именно в физических нагрузках. — Расслабьтесь. Закиньте голову на спинку кресла, закройте глаза. Я включу сейчас хорошую мелодию и вы просто будете лежать и ни о чем не думать, хорошо?

Кивает, не сопротивляется. Слава богу! Его сопротивление еще попробуй отбей! Огромный, как гора, блин...

Подключаю телефон к колонке, включаю музыку, под которую хорошо делать медитации на расслабление. Замечаю, что он выполняет все мои указания и наконец-то открываю аптечку.

Я просто не хочу, чтобы он увидел, как я падаю в обморок, когда касаюсь этой жуткой картины на его кулаках.

Ватных дисков побольше, заливаю все перекисью и беру его руку в свою. Честно признаться, майор настолько расслаблен, что его рука с тонной мышц кажется просто неподъем-

ной. Я даже хихикаю от осознания, что объем его бицепса вполне может быть равен объему моей талии. Я на нервах похудела, пока пыталась выбить себе это место под солнцем.

Раны жуткие! Я даже не уверена, что тут можно обойтись без парочки швов. Ужас... Меня передергивает, но я стойко принимаю этот вызов и изо всех сил хочу помочь майору. В конце концов, раз он так сильно сопротивляется тому, чтобы я лезла в его голову, я могу помочь хотя бы так.

И я держу его руки и все-таки обрабатываю, как умею, все раны. Останавливаю кровь, наношу мазь (у меня тут очень богатая аптечка без обезболивающих таблеток, да-да), даже накладываю бинты, когда заканчиваю все манипуляции.

Михаил все это время так и сидит с закрытыми глазами и откинутой головой на спинку кресла. Мелодия заполняет весь кабинет, он расслаблен максимально, но между бровей все равно есть складка, а плечи напряжены так, словно он готовится к бою. Даже когда в его глазах вселенское спокойствие и, кажется, что он почти спит — он все-таки напряжен.

И с этим тоже надо работать. Это напрямую зависит от морального состояния. Могу поспорить, что он даже спит напряженным.

Отпускаю его руки, продолжаю сидеть на столе. Он — точно напротив, на кресле. Такой огромный, что даже страшно, но так отчаянно нуждающийся в помощи.

А что, если ему не нужны долгие разговоры и попытки разложить по полочкам все в его голове? Что, если к нему нужен совершенно другой подход?

Надо попробовать.

И я обязательно впишу этот случай в свою диссертацию!

— Михаил Викторович, — зову его, аккуратно тронув за плечо. Он выпрямляется моментально, мышцы под моими пальцами становятся каменными, лицо сосредоточенным, а запястье мое оказывается в плену его цепких пальцев. Он сжимает так сильно, что я боюсь, что если двинусь — он сломает мне его к чертям!

— Черт, — вздыхает, когда пару секунд оценивает обстановку. Разжимает пальцы сразу же, но тут же хватает обратно, но уже совсем не больно, и...

И массирует запястье. Ой...

— Вы в п-порядке? — какого-то черта я заикаюсь. Какого-то черта он не прекращает трогать мою руку.

— Да. Просто реакция. Не сделал больно?

— Н-нет. В порядке. Я закончила, — улыбаюсь натянуто. Заикаюсь снова. Я не понимаю ни черта. Мы сидим очень близко друг к другу, а моя рука в его огромной ладони. Он не отпускает и не перестает аккуратно массировать мое запястье, а я вообще не спешу прыгивать со стола и уходить на свое рабочее место.

Что за чертовщина?

— Спасибо, — кивает он. И смотрит прямо в глаза. Мамочки, а можно воды? Я ничего не понимаю.

— У меня есть для вас пару рекомендаций, — наконец-то я беру себя в руки! От недостатка ласки в жизни совсем умом тронулась. Поплыла от первых же прикосновений, господи... Спрыгиваю и почти убегаю в свое кресло, чудом не убившись на каблуках, потому что колени трясутся, словно я первый раз вообще в жизни увидела мужчину. Сажусь, держу спину так ровно, что даже больно. И в глаза майору не смотрю. Чертова трусиха! Прав был он, хреновый из меня психолог, раз так просто поддаюсь мимолетным эмоциям. — Давайте попробуем с вами бороться с агрессией способом физической активности. А точнее — способом выброса адреналина не драками и злостью, а чем-то другим.

— Не буду писать дневник, как девчонка, желающая стать принцессой? — хмыкает он.

Я едва не хохочу в голос от этой реплики, вовремя сдерживаюсь.

— Дневник пишем, это обязательно нужно мне для того, чтобы понять ваш внутренний мир, увидеть раздражителей и услышать ваши мысли, которые при личной встрече вы отказываетесь мне транслировать. Но теперь я прописываю вам много физической активности. Не думаю, конечно, что вы совершенно ее игнорируете... Но утром обязательная пробежка. В темпе! В течение дня — зал. До усталости, в первое время нам надо усыпить вашу агрессию. Грушу бить — здорово, но пока руки не заживут, не смейте к ней даже прикасаться. Потом — только в перчатках. Спарринги — нельзя, вы случайно можете убить кого-нибудь, а мы от этого пытаемся избавиться. Еще я настоятельно рекомендую массаж, по желанию бассейн. И секс. Очень много секса, товарищ майор. Лучший антидепрессант и идеальный способ скинуть стресс.

— Секс? — переспрашивает он и смотрит мне точно в глаза.

Зачем он это делает?

— Да, — киваю, стараясь оставаться беспристрастной. Пропишите и мне секс, кто-нибудь, ради всего святого.

— Какой? — он издевается надо мной?!

— По предпочтениям, — пожимаю плечами и очень-очень-очень-очень сильно стараюсь не представлять, какие могут быть предпочтения у этого мужчины. Иначе я просто могу сойти с ума.

Глава 9. Миша

Она прописала мне секс. Вот так просто взяла и сказала: “очень много секса, товарищ майор”.

Это как вообще? Нормально? Будучи такой сексуальной девушкой вот так говорить это взрослому мужику. Хотя немного этот высококвалифицированный, самый лучший в мире, образованный, сто тысяч курсов прошедший и наверное лауреат на нобелевскую премию психолог головой вообще думает?!

Когда с губ красивой женщины срывается слово “секс”, этот секс сразу же представляется с этой самой красивой женщиной, особенно, если ты пока еще не совсем старый и холостой мужчина, а у этой дамочки нет кольца на пальце. Другого не дано. Это происходит само собой, неконтролируемый процесс.

Вот язык свой от пошлых фразочек я держу за зубами контролируемо, а мысли сдерживать просто не в силах.

Она еще таким тоном... Как по больному. Потому что я как со своей бывшей разошелся, так о нормальном сексе и забыл. Полгода в монахах хожу. И не потому что не хочу ни с кем после предательства и сижу по ночам на подоконнике с кружкой какао глядя вдаль. Нет. А потому что у меня тупо нет времени на то, чтобы заводить новые отношения или даже хотя бы найти кого-то ради секса.

Потому что я где бываю? В части? А, еще дома, гуляю с Бетти.

У меня даже из соседей одни подростки и старушки, ни одной половозрелой, но еще не разваливающейся женщины, которая могла бы согласиться время от времени использовать меня для получения парочки оргазмов.

И вот Екатерина эта, чтоб ей жилось хорошо, Витальевна, своим высказыванием даже гнев очередной не вызывает, больше шок и...

И сумасшедшее желание потрахаться.

Ну потому что я не монах-то по сути своей, секс люблю (а кто не любит?), и потрахаться я бы конечно не против. Особенно с ней, потому что этот чертов рот...

Нет. Я ошибся. Психую снова, как ненормальный, пока Стерва Витальевна на меня глазами хлопает и реально не понимает, что не так. ЧТО НЕ ТАК? Да, действительно, что не так. Просто от одной небрежно брошенной фразы я теперь хочу психолога, которая в свою очередь хочет поиметь только мой мозг.

Нестыковочка...

— Это все рекомендации на сегодня? — рычу и сжимаю кулаки. Умом понимаю, что это больно, потому что все в ранах, а боли вообще не чувствую. От злости все притупляется, меня хоть ножом пырни сейчас, я его как зубочистку достану и дальше по своим делам пойду.

— Пожалуй... да, — она почему-то потирает шею. Залипаю на этом движении и впервые замечаю у нее какой-то узор за ушком. Там тату? Мля... У нее еще и тату. Только там? Или где-то еще есть? Мне вот теперь просто катастрофически необходимо знать, где именно у нее есть еще узоры. Этот-то крошечный совсем, если она не склонила голову, я и не заметил бы даже. Что нарисовано? Не разглядел.

— Что у вас за тату? — спрашиваю. Она застывает и смотрит на меня таким взглядом, словно я узнал что-то очень запретное.

— Где? — спрашивает.

Сука, у нее точно есть еще тату! И вот “где” — теперь вопрос моего спокойствия.

— За ухом.

— Там нарисовано крылышко ангела. В честь моего брата, — зачем-то откровенничает она и я понимаю, что это какая-то уже запретная территория и я лезу не в свое дело. Какого хрена она вообще так просто рассказывает такие личные вещи?

— Понял. Пойду?

— Пойдите, — кивает она. После разговора о сексе (который, клянусь, она завела специально, чтобы выбить меня из колеи) в кабинете стало жарко, а вот между нами словно выросла огромная льдина. Льдина, мать его, неловкости. Интересно, а она, как хороший психолог, считала мое желание нагнуть ее над столом в эту же минуту и сорвать к черту эту лишнюю явно юбку, или не считала? Меня теперь этот вопрос тоже волнует.

Выхожу из кабинета. И даже нахожу в себе силы не хлопать дверью! Да я вообще само спокойствие! Как кот дрессированный, честное слово. Замурлыкать только осталось и дело с концом, приручили майора.

Через десять минут у меня новый взвод пацанов на полигоне. Мне Степаныч предложил отдать Харитонову все мои рабочие часы, которые идут после посещения психолога, но я пообещал подарить тогда ему мазь от геморроя, чтобы он не надорвал жопу за мной все подбирать.

Короче, работаю я. Иду. Надеюсь, сегодня никто не будет мне делать мозги и творить всякую дичь, как мой любимый (нет) Зимин. Слава богам, что в этом взводе его нет и я смогу выдохнуть с облегчением.

Смогу, да. Если хоть на секунду выкину из башки Стерву Витальевну с ее этим томным “очень много секса”.

Рр-р-р!

Она должна помогать моему спокойствию, а не наоборот! Какого хрена тогда?

Психую от того, что думаю о ней в таком ключе. От того, что не могу перестать об этом, бляха, думать!

А еще от того, что вообще никак не могу нагнуть ее над столом.

Потому что служебные романы у нас не приветствуются. Потому что она психолог, который работает с моей башкой, а не с членом. И потому что, очевидно, желание заняться с ней сексом абсолютно одностороннее, а я женщин привык защищать и оберегать, а не насильно склонять к чему бы то ни было.

Итог?

Итог прост. Я иду на полигон снова как подорванный и реально надеюсь, что никого там не пристрелю за тупость. Степаныч мне этого не простит уж точно.

И я так тупо надеялся, что тренировка в зале поможет, а в итоге что? Она-то помогла, конечно! Я был спокоен как удав. Настолько, что было ощущение, что в меня всадили пару доз успокоительного. Причем дозы были для слонов или лосей, не знаю. Сидел себе пялился в одну точку и все было прекрасно.

Пока не случился “секс”, сорвавшийся с губ Стервы Витальевны. И все по новой, черт возьми. Все с нуля.

Не, на массаж я, допустим, запишусь. Ладно. Тренироваться побольше и до отказа — вообще не сложно, наоборот, только с удовольствием! Возможно, скрипя зубами, но пару строк настрою в этот сраный блокнот.

Но секс мне где взять? По утрам в душе драть, как пятнадцатилетке? Так это от агрессии не поможет, наоборот, психовать на самого себя только сильнее буду.

Ой, вот не было мне печали.

Прихожу на полигон, минут через семь подтягивается отряд. Зеленые еще все, дурные, тупые и раздражающие очень, но я снова изо всех сил сцепляю зубы, чтобы никого не убить раньше времени.

Эти сегодня будут пытаться стрелять из позиции лежа. Тут уж если кто захочет побежать проверить мишени, как прошлые мои идиоты, получит прежде, чем успеет встать, так что в целом все должно пройти неплохо.

И я инструктирую, пару раз прикрикивая за разговорчики в строю, отвечаю на тупейшие вопросы, а потом замираю, спиной чувствуя, что кто-то смотрит. Кому что надо уже от меня?

Поворачиваю голову. Идет. Вся снова стройная и идеальная, в этой гребаной слишком узкой юбке и на каблуках. На каблуках! На полигон! Что она, нахрен, вообще тут забыла?

И идет она явно ко мне, а я сжимаю кулаки, когда пацаны по понятной причине реагируют на приближение этой Стервы. Присвистывают, перешептываются, кто-то даже облизывается, замечаю.

— Екатерина Витальевна, — рычу на нее, — а вы что здесь забыли?

— Товарищ майор, — говорит деловито, — у этого взвода тестирование, а я уже ухожу и не дожусь их со стрельбищ. Мне сказали, могу найти их тут. Вы можете раздать им, пожалуйста? — она лезет в папку и достает оттуда стопку листов. — Пусть пройдут перед сном, а я завтра заберу сама.

Закатываю глаза. Seriously? Ради этого притащилась на полигон? Есть ощущение, что она слишком любит свою работу.

— Передам, — забираю из ее рук листы и на секунду задерживаюсь взглядом на губах. Фак, эти губы... Погубят меня когда-нибудь, честное слово. Вот на кой хрен она мне по сексу затирала? Я ж ни о чем другом думать теперь не могу.

— Оставайтесь с нами, — говорит кто-то из толпы вдруг, как будто я вообще разрешал брать слово. — С нами весело. А мы вам покажем, что умеем.

— Вы ни хера не умеете еще, — рычу, но смотрю все еще на Екатерину. Она и бровью не ведет и не показывает, что ее хоть как-то цепляют слова молодняка. Но вот меня...

— Так мы научимся! Ради такой-то красоты. Ну, или с ней научимся... — выдает борзый и все вокруг понимают, что сказал он это очень зря.

Глава 10. Катя

Ой-ой-ой. Ой!

Я стою на полигоне напротив Михаила Викторовича, смотрю в его глаза и прямо застаю тот момент, когда эти самые глаза наливаются яростью. Злостью. И совершенно точно желанием убить этого парня.

Что он там говорил вообще? Да глупости какие-то просто, я на такое стараюсь не обращать внимание! Мне постоянно говорят какие-то глупости, даже за неделю работы здесь уже успела всякого наслушаться. Ну если на каждого внимание обращать, то и с ума ведь сойти можно, разве нет?

Но это я так считаю, а товарищ майор, к сожалению, нет. Потому что я точно ловлю тот момент, когда он рисует в голове картинку, как будет бить этого парня.

А я напоминаю, что людей бить я ему запретила! Но он злой настолько, что вряд ли помнит хоть какие-то запреты.

И что мне делать? Я же не могу его отчитывать за агрессию при парнях! Это непрофессионально и некрасиво, да это вообще ни в какие ворота не лезет. Он — главный здесь, старший по званию, учит их там всему и все такое, а тут я начну высказывать ему. Бр-р-р, даже не представляю, что должно случиться, чтобы я так сделала.

Но делать-то что-то надо! Иначе он точно его убьет.

И я не буду врать, мне льстит его желание меня защитить, но есть же миллион других способов...

Все эти мысли в голове, как и агрессия майора, рождаются буквально за пару секунд, и я клянусь, что не нахожу ничего лучше, как просто взять его за руку. За ту руку, которая не попадет под взгляд парней, потому что все еще не хочу его хоть как-то перед ними подставлять.

Не питаю глупых надежд, что мое прикосновение его успокоит или что-то вроде того, но он обращает на меня внимание, а я ему о-о-о-очень активно показываю глазами и бровями, что никого тут избивать нельзя, и что, вообще-то, неплохо было бы взять себя в руки.

Еще пару секунд он молчит, смотрит на меня. Потом опускает взгляд на наши переплетенные пальцы, вздыхает, на секунду сжимает их сильнее, а потом отпускает и идет к тому самому шутнику.

Господи, хоть бы не убил...

Он подходит к нему почти вплотную, я стою и не двигаюсь, боясь стать свидетелем чего-то ужасного. Мне бы поговорить с ним прямо сейчас, попытаться найти слова или еще что-то, но я не могу выставить его больным перед парнями!

— Фамилия, — рычит он в лицо тому так громко, что даже я вздрагиваю.

— Коновалов, — отвечает тот. Борзый, ужас! Даже мне ему хочется подзатыльник дать. Но все-таки надеюсь, что у Михаила хватит выдержки не дойти до рукоприкладства.

— Коновалов, упор лежа принять! — рывкает товарищ майор. Я сжимаюсь на месте до размера атомов, вот это голос... — Сто отжиманий!

— За что, товарищ майор?

— За что?! За оскорбление сотрудника! Екатерина Витальевна военный психолог, а не девочка с улицы, чтобы ты рот свой в ее сторону со всякой херней открывал. Упор. Лежа! А потом извинишься. Бегом!

— Так точно, — недовольно бормочет он и принимает упор лежа. Я с места сдвинуться не могу, застываю почему-то. Это же из-за меня все, по сути, ну, точнее, из-за шуток в мою сторону. И он еще сказал, что парню извиняться придется. Передо мной?! Нельзя уходить.

И он отжимается, все смотрят. И никто в мою сторону. Потому что после такого злющего майора я бы тоже в свою сторону не смотрела, от греха подальше. Сто отжиманий! Кто вообще

может отжаться сто? Это что за цифра вообще? Я ни одного не могу, кстати сказать. От спорта я далека, мой максимум — это беговая дорожка, чтобы лишнюю съеденную булочку согнать. С генетикой мне повезло очень, мама тоже стройняшка.

Коновалов падает на сорок шестом отжимании без капли сил.

— Не могу больше, товарищ майор.

— Плохо, Коновалов. Вот вместо того, чтобы языком трепать, физику бы лучше подтягивал в свободное время. Хилый ты, как девчонка.

— Да товарищ майор, вы и сами сто не отожметесь! — нарывается он снова, все еще лежа на земле.

— Я и двести могу. Но тебе сопляку доказывать ничего не собираюсь. Встать! Что сказать надо Екатерине Витальевне?

Пока солдат встает я думаю о том, что майор и правда смог бы отжаться двести. У него такие плечи... Сейчас он в форме, но даже она не скрывает всего объема мускул. Но я видела его в майке... И о черт, я никогда не залипала на мышцы парней, потому что не считаю их главным достоинством, но это...

— Екатерина Витальевна, приношу свои искренние извинения, виноват, больше не повторится.

Фух, боже, я могу отсюда сбежать?

— Принимается, — киваю ему, потом показываю майору еще раз на бумаги и убегаю оттуда к чертям собачьим, потому что сердце мое этих перепадов просто не выдерживает.

Наконец-то пятница... Мамочки, я мечтала об этом дне с самого понедельника. Работать в окружении мужчин военных на самом деле дико сложно. Профессионально — очень интересно! А по-женски просто очень сложно. Они неуправляемые и... какие-то другие! Военным рождаются, я уверена на сто процентов, потому что никто просто так по щелчку пальцев военным стать не может. Их выправка, манера речи, даже походка! Все особенное.

А еще ими вообще невозможно руководить, а мне, можно сказать, это делать и приходится...

Завтра выходной, планирую вырваться на шопинг, поэтому чтобы не кататься туда-сюда, решаюсь снять квартиру на сутки поближе к центру. Посплю там и вечером воскресенья уже вернусь в свою замечательную квартирку в военном доме.

Перебираю объявления, вижу звонок. Закатываю глаза сразу же, не очень я бы хотела слышать этого человека, но если Алекс звонит, то лучше взять трубку с первого раза, пока он снова не наворотил каких-то дел.

— Алло, — отвечаю на звонок. Надо бы собираться на работу, но что-то мне вообще ничего не хочется. Не хочу собирать хвост и даже каблучки надевать не хочу. Придумаю что-то попроще, что не будет выходить за рамки дресс-кода, решено.

— Привет, любовь моя, — щебечет он.

— Алекс, прекрати это. Какая, к черту, любовь?

— Самая настоящая. Люди в браке любят друг друга, ты забыла, что ли?

— Развод когда? Я все жду жду, никак не дождусь, — выдыхаю в трубку. — Мне надоело быть замужней женщиной, честно признаться.

— Зачем нам разводиться? Неужели плохо живем?!

— Жениться надо по любви, — напоминаю ему.

— Кто сказал, что я не влюблен в тебя с первого взгляда?

— Алекс, не издевайся! Когда?

— Солнце, не ворчи, скоро! Как только закончу все дела, обещаю!

— Твои дела длятся уже сколько? Полгода, больше? Мне не нравится быть замужней, Алекс, я требую развод!

— Куколка, что-то со связью, я ничего не сл... шу... Пока!

И бросает трубку.

— Козлина, а...

Нервничаю из-за него, но успокаиваться не собираюсь, потому что на нервах очень быстро собираюсь, всегда так работает! Умудряюсь даже все-таки сделать прическу, заплетаю косу в высоком хвосте и думаю, что с удовольствием этой самой косой врезала бы Алексу по лицу. Бессовестный человек, вот надо было мне повестись на него...

Иду на работу. Сегодня жарко с самого утра, мороженого хочется просто с ума сойти как! Вспоминаю, как майор Стрельцов прибежал ко мне с мороженым и извинениями, хихикаю себе под нос, а мороженого хочу теперь только сильнее! Блин... Завтра куплю себе целое ведро, честное слово, завалюсь смотреть сериал вечером и буду есть, пока не лопну. Разве не шикарный план для субботы?

На работе тоже душно... Открываю окно, потому что кондиционера тут нет, и понимаю, что не спасусь никак вообще. Решаю сходить в столовую, взять у них льда немного, закину в стакан себе и буду пить хотя бы прохладный напиток. По пути как раз зайду к отряду, которому вчера Стрельцов должен был раздать тесты, заберу, проведу анализ. Из пациентов у меня сегодня всего двое, оба после обеда, так что я предоставлена сама себе.

И иду. Цокаю снова каблуками по территории, потому что на злости на Алекса я обула снова их, а потом... жалею сильно, что я пришла все-таки не в кедах, потому что от увиденной картинки у меня с трудом получается устоять на ногах.

Это... Ой. Что я там говорила? Что никогда не засматриваюсь на мускулы мужчин? Надо срочно переводить эту фразу в прошедшее время, потому что я очевидно уже не первый раз засматриваюсь. Причем на конкретного мужчину, и это, к слову сказать, меня очень раздражает. Он мой пациент! Он майор части, в которой я работаю! А я пялюсь на него, как перевозбужденная идиотка.

Потому что чертов Стрельцов буквально в пяти метрах от меня. На турниках. В одной майке! Со своими этими огромными плечищами... Он подтягивается, а у меня от этой картинки все внутренности опускаются и переворачиваются.

Майка мокрая от пота и прилипает к телу, по этим чертовым плечам стекают капельки, мышцы напряжены и от каждого подъема перекачиваются под кожей. А лопатки... Они точно крылья раскрываются каждый раз, когда он повисает на ровных руках.

Клянусь, мне дико стыдно, но я совершенно точно стою и пялюсь на Михаила, и с трудом подавляю в себе стон, когда он делает рывок и выпрямляется над турником на ровных руках. Эти предплечья... Узоры из вен, мышцы, все это создает картинку, которая делает с моим воображением что-то ненормальное.

Он исполняет мое поручение заниматься спортом до отказа, судя по всему, и я считаю, надо обязательно его похвалить за то, что он делает то, что я рекомендую.

При условии, конечно, что в ближайшую вечность я смогу говорить...

— Екатерина Витальевна! — звучит за спиной и я понимаю, что пялилась на него просто стоя посреди части! Господи! А если кто-то видел и понял, что я залипла?! Мамочки, как стыдно!

Поворачиваюсь ко Льву Степановичу и краснею, как девчонка, застигнутая за просмотром порно. А тут реально было настоящее порно...

— Здравствуйте, Лев Степанович!

— Ты чего тут? — спрашивает.

А я что? Я ничего. Я просто стояла и возбуждалась от широкой спины своего пациента, ничего ведь особенного, да?

— А я вот... нужно поговорить с Михаилом Викторовичем! — говорю первое, что приходит в голову. — Жду, пока закончит.

— Этого с турников можно по полдня ждать, — говорит он. А я, честно признаться, не против и полдня вот так простоять! — Стрельцов! Подойди!

Ой мамочки...

— Здравия желаю, — говорит тот. Я слышу его сбитое дыхание и слышу шаги. Он приближается со спины и вот точно-точно прямо сейчас эти огромные мускулы прямо рядом со мной... Зачем я ляпнула, что жду его?! — Чем обязан?

— Екатерина Витальевна ждет тебя стоит, хоть бы внимание обратил, — говорит дядя Лева. Ненавижу его прямолинейность! — Я ушел.

И уходит. А я стою. И майор стоит рядом. Все еще потный и немного запыхавшийся, все еще с узором вен на своих мускулах, все еще огромный, как чертова гора, все еще...

— Так что хотели, Екатерина Витальевна?

Вас.

Упаси боже меня ответить так. Это минутное помутнение! И вообще меня влечет только его физическая форма и ничего больше.

— Я... — стараюсь придумать что-то, чтобы не выглядеть идиоткой, которая просто паялилась на то, как он подтягивается. Несмотря на то, что это полное описание меня. — Я хотела спросить, раздали ли вы вчера тестирование, хотела пойти забрать, и...

— Точно! Пойдемте.

— Куда?

— Я собрал с утра, чтобы вы не тащились к ним взвод. Они дикие там все, нечего вам там делать в этих юбках своих... Отдам.

Невольно улыбаюсь такой грубоватой и своеобразной заботе и почти бегу за ним на каблуках, потому что шаг у этого медведя точно трехметровый.

Мы идем в его кабинет, а я просто смотрю себе под ноги, потому что если гляну ему на спину, начну заикаться и точно рухну.

Кабинет у него просторный и уж точно прохладнее, чем мой! Кондиционер тут или просто сторона не солнечная, не знаю, но я невольно вздыхаю и говорю:

— Боже, как у вас тут хорошо... Я в своем как в парилке, с ума сойти можно.

— А вентилятор не выдавали, разве? — хмурится он. Игнорирую любые его передвижения, буквально все время смотрю себе под ноги. Идиотка.

— Ничего не выдали, — пожимаю плечами.

— Вот дебилы, — вздыхает. — Решу. Держите тесты, — он протягивает мне бумаги. Быстро пробегаюсь по ним взглядом, все заполнены! Слышу какую-то возню, а потом...

— Возьмите, Екатерина Витальевна. Аллергии, я так понимаю, у вас нет. Остужайтесь. Мороженое. Тот самый малиновый рожок.

Забираю, все-таки улыбаюсь, и сбегая оттуда, потому что слишком много внимания одному майору Стрельцову за одно утро!

Глава 11. Миша

И все-таки зараза ты, Екатерина Витальевна.

Не могу называть ее иначе, когда держу в руках сраный блокнот и пытаюсь в нем написать хоть что-то. Он еще и пушистый, господи... Позорище какое.

А что писать-то? И на кой черт я этим всем вообще занимаюсь?!

Пришел домой, соседка-девчонка сказала, что с Бетти гуляла недавно, так что у меня примерно час свободный есть. Взял в руки это розовое уродство, и... ничего.

— Дорогой дневник, мне не описать словами то унижение, что я испытываю, когда мне приходится заставлять себя писать всякую херню типа этой, — проговариваю вслух и бросаю ручку. Да нахрен!

Как там было? Записывать мысли? А у меня из мыслей в башке сегодня только блокнот этот идиотский и сама Екатерина Витальевна.

Бесит она меня, сил нет! Вот она носит юбки. Ничего не имею против! Ей идут. Но вот все подряд вслед ей шею сворачивают, потому что ее бедра в этих узких юбках — просто ужас какой-то. В самом прекрасном смысле этого слова. Этот “ужас” заставляет меня раз за разом вспоминать все ее слова о сексе. А представляю я в этом сексе теперь почему-то только ее...

И вот что? Мне этой в блокнот ей написать? Чтобы она меня им же и отмудохала? Еще и Степанычу пожалуется, тот мне выговор выпишет или еще что похуже.

Завтра, слава богам, выходной, поэтому бросаю чертов блокнот на столе и решаю подумать о нем завтра. Мне вообще никуда не уперлось это писать, если честно, но это просьба Кати, а мне вот почему-то очень хочется, чтобы она мне улыбнулась. Чтобы улыбнулась еще раз.

Как когда я вручил ей мороженое сегодня утром.

Казалось бы — просто мороженое. Я специально для нее покупал, она тогда выпендрилась, не съела, ну я и спрятал в кабинете к себе в холодильник, покупалось-то ей. А тут случай такой подвернулся, я и вручил. А она заулыбалась. А я что-то прям поплыл...

И вопрос с вентилятором ей решил сразу же, наорал на кого надо. Кондиционер бы, конечно, но это надо средства выбивать, долго, короче. А вентиляторы есть, хоть какое-то спасение. Поставили ей сразу, надеюсь, ей полегчало, а то реально парилка.

И я себя теперь каким-то олухом чувствую. Потому что вроде выходные — кайф. А с другой стороны не будет никаких цокающих каблучков, покачивающихся бедер и излишней активности. А мне как будто уже и хочется всего этого...

Я запал? Или это просто недотрах сказывается? Реально же о ней стал думать после ее слов о том, что мне прописан секс. И все, как скрутило на ней. Думаю целыми днями, хоть волком вой. И не подкатить никак! Служебные романы — это вообще не по моей части, да и в целом хоть какие-то романы, спасибо, я однажды попробовал уже, хватит с меня. Да и я хер знает, может замужем она ну или просто у нее есть кто-то. Да и вообще! Она в моей башке копается, как подкатывать-то? Короче, все мимо, все против этой идиотской мысли.

Но пялиться-то никто не запрещал? Я без приставаний, все прилично. Но как не глазеть — не знаю, когда она перед носом прямо ходит туда-сюда. Цок-цок. По мозгам, бляха, цок-цок это даже сейчас, хотя дома сижу

Ой, фак...

Падаю в упор лежа, отжимаюсь, пока не отказывает мышцы на руках. Катя говорила, надо давать себе уставать, чтобы агрессия проходила — вот, даю. Секса нет, на массаж так и не записался, так что буду действовать хотя бы так.

Чувствую, что все равно закипаю. Психую, что меня на психологичке этой вывернуло как-то. Встаю на кулаки. Больно, мля... Зажившая кожа под бинтами лопается, снова кровит. Зато от психов не остается и следа, особенно когда сам себе пытаюсь сделать перевязку.

А потом беру Бетти и иду с ней гулять, чтобы еще набегаться перед сном и уснуть без задних ног.

Или не уснуть.

Сука!

Снова психую. Никогда не угадаете, почему.

Рассказываю.

Одиннадцать вечера, на телефон приходит уведомление. Открываю. Там — смс от бывшей. Я сразу в психи, потом читаю. А там кабздец.

Карина: *Миша, привет. Пишу, потому что просто считаю нужным тебе сообщить. Паша сделал мне предложение и я согласилась. Мне кажется правильным, что ты узнаешь это от меня, а не по слухам.*

Зашибись, бляха, новости перед сном. Вот прямо усыпляет лучше, чем пересчет овец, ага. Уже седьмой сон вижу. И в каждом моя бывшая стоит в белом платье напротив Харитонов.

Она решила мне сообщить. Спасибо. Спасибо, что не зовете на свадьбу другом жениха. Или невесты, что уж там, я бы с обеих сторон мог подойти, они-то оба были мне близкими людьми!

И вот, мля, я правда не понимаю — зачем? Посчитала нужным сообщить. Для чего? Если бы я узнал от слухов, мне было бы больше плевать, чем видеть вот это. “И я согласилась”. Ну конечно, нахрен, Харитонов-то у нас первый парень на деревне, грех не согласиться на такое заманчивое предложение, правда?

Меня прошибает током от злости, отжимания не спасают, ледяной душ толком тоже. Я просто как чертова истеричка хожу взад вперед по квартире и даже Бетти пугаю, потому что рычу точно как медведь неадекватный.

И мне с одной стороны насрать вообще: женитесь, рожайте детей, да хоть трахайтесь по всем углам города и попадайте во все новости — мне похер! Просто объясните, меня зачем продолжать в это впутывать? Не понимаю.

Сна ни в одном глазу, хожу из стороны в сторону и застываю, когда замечаю блокнот! Он так и лежит на столе открытый и с ручкой на листах, как я его бросил вечером.

Не, ну это какой-то бред...

Но хуже все равно уже не будет. Поэтому, игнорируя свое отвращение и к розовому уродству, и к этой идее в целом я сажусь за стол.

И удивительно, но слова складываются сами собой. На психах и нервах я исписываю четыре листа, пишу все, что крутилось в башке. Про Карину, про Харитонova, про непонимание, зачем она все еще меня впутывает, вообще про все!

И в конце добавляю: и воспоминания о бедрах Стервы Витальевны в этих сраных юбках вообще не помогают моему спокойствию!

Все!

Закрываю. Откидываюсь на спинку стула, запрокидываю голову, и...

Выдыхаю. Отпустило...

Глава 12. Катя

Клянусь, я еще никогда в жизни так не ждала выходного, как на этой неделе! В школе я училась с удовольствием, поэтому выходные не были для меня прям огромным счастьем, в универе в целом выходные не были отдыхом, потому что всегда было много работы, а тут...

Мне нравится моя работа, правда, очень нравится! И коллектив, хотя с ними и сложно, и пациенты мои нравятся! Просто эти военные, господибоже... Они словно забирают все силы, которые мне просто необходимо пополнить. И в качестве пополнения энергии я выбираю давно запланированный шопинг!

Не очень радует меня перспектива делать это все в одиночестве, но все подруги далеко, а муж мой... Ну он одно название, что "муж". Я даже понятия не имею, в каком он городе сейчас. Больше никого у меня нет, так что приходится одной. Все лучше, чем сидеть в четырех стенах без парочки новых платьев.

Поэтому еду я в назначенное место с самого утра, забираю ключи от квартиры, что сняла на сутки, и иду гулять!

Прогулка по городу проходит отлично, погода сегодня волшебная! Я бы гуляла целыми днями, обожаю такие неспешные прогулки... От скуки правда все-таки звоню паре подружек и делаю вид, что гуляю с ними, потому что совсем одной как-то даже немного грустно, хотя я и стараюсь об этом не думать.

Обедаю в кафе, а потом делаю набег на магазины! Шопинг меня успокаивает, даже минус на карте не делает больно, я странно устроенный человек. Заработать я всегда найду где, при случае, а вот такое красивое платье мне может под руку больше не попасть. Именно поэтому я покупаю и платье, и еще одни новые туфли (я даже боюсь считать, сколько у меня пар обуви), и две юбки, брюки, джинсы, блузку, майку, новую пижаму, зачем-то купальник, хотя я явно ни на какое море в ближайшую вечность не собираюсь, и красивое кружевное белье. Больше, чем туфли, я обожаю только белье. Всем сердцем.

Вечером, уже когда почти темнеет, возвращаюсь в снятую квартиру. Руки отваливаются от количества пакетов, сил нет даже разобрать покупки. Бросаю их в прихожей и бегу в душ, а потом заказываю себе столько еды на ужин, словно осилю все это съесть. Честное слово, я не знаю, зачем столько, накидала в корзину от голода всего подряд, а когда курьер привозит два почти полных пакета, понимаю, что восемьдесят процентов этого улетит в мусорку.

Надеваю только купленную пижаму, на телевизоре в приложении ищу, какой бы фильм посмотреть, выбираю какой-то простенький ромком, чтобы отдохнуть с ним, начинаю накрывать на стол, и...

И вздрагиваю так сильно, что чуть не роняю упаковку с роллами на пол, еле успеваю подхватить ее и поставить на стол.

Потому что кто-то ломится в мою квартиру... И не стучит, это не просто стук! Натурально ломится, мне кажется от такого сильного стука дверь может запросто слететь с петель.

Руки дрожат сразу же, тут никакие практики от паники не помогут, потому что просто волнение — это одно, а когда в квартиру выбивают дверь — другое!

Мне страшно подойти, но выбора другого нет, я на цыпочках крадусь к двери и пытаюсь посмотреть в глазок. Отскакиваю тут же, потому что раздается еще один громкий стук, а потом...

— Открывай, красотуля, видели мы, что ты одна тут. И лучше бы тебе открыть самой, замочек тут хлипенький, справимся за пару минут.

Мать твою... А на это как реагировать-то вообще?! И какого черта? Откуда они видели? Что они видели? Что происходит?

Я стараюсь делать вид, что меня тут не существует, желание разреваться сумасшедшее, но я не позволяю себе. Сначала надо решить проблему.

Боже, зачем я вообще решила остаться тут! Вернулась бы туда, там куча военных, а тут что? Есть ли вообще смысл звонить в полицию? Успеют ли они...

Не знаю, что случается вдруг, но я вспоминаю слова Льва Степаныча о том, что майор Стрельцов живет где-то в городе, а не в военном городке, где всем выделяют квартиры. Я не знаю, насколько глупо будет позвонить ему и спросить, далеко ли он отсюда, но вдруг звезды сойдутся? Он бы точно мог помочь...

За дверью все затихает, я снова крадусь и смотрю в глазок и вздрагиваю, когда вижу там двоих... Отвратительной наружности мужчины перебирают в руках... что? Ни черта не видно, но я просто молюсь, чтобы это были не отмывки.

Хватаю стул, подпираю ручку, чтобы не могла открыться, и убегаю в дальний угол квартиры, набирая майора.

Это совершенно непрофессионально, учитывая его проблемы с агрессией и в целом проблемы в личной жизни и прочее, уже поздний вечер, да и мы не друзья, но я не могу не позвонить...

Он берет трубку на второй гудок, так быстро, что я даже теряюсь. А когда слышу, как в замке начинается что-то шуршать, меня бросает в холодный пот.

— Слушаю, — говорит он как всегда серьезным голосом. Я очень стараюсь не дрожать.

— М-михаил Викторович, а подскажите, вы в городе очень далеко от Пушкина сорок три живете?

— Минут десять пешком, а че такое?

— Ми-михаил, я... помогите, пожалуйста, ко мне тут в квартиру кто-то ломится, мне так страшно...

— Две минуты и я на месте. Точный адрес с этажом и квартирой смс-кой мне быстро! Спрячься в ванной.

Я слушаюсь его беспрекословно, даже не собираюсь ворчать, что он со мной на "ты". Делаю, как приказал, и почему-то не бросаю трубку. Он, кажется, тоже. Потому что я слышу всю возню. Пару матов, шуршание, звук двери машины и двигателя. Еще пару матов, я даже умудряюсь улыбнуться, пока закрываюсь в ванной, как он и говорил. Тут не суперский замок, конечно, но еще одна преграда. Подпираю ручку двери шваброй, стараюсь держать себя в руках, трясусь.

Буквально через минуту снова слышу стук двери машины. Он приехал так быстро?!

Бросаю трубку и прислушиваюсь к происходящему за дверью ванной, она тут сразу у входа...

Там все еще шуршание в замке, кажется, у них не особо получается ее вскрыть. Это дает надежду хоть на что-то, пока они просто не начинают ее снова ломать... Стук сильный, дергают ручку так, что я слышу грохот стула: не помог...

А потом голоса. Много голосов, громкий, резких.

Миша?!

Не знаю, чем думаю, когда убираю швабру и вылетаю из ванной, но не могу не проверить. Бросаюсь к глазку и вижу, как огромный майор, который на голову, а то и больше, выше этих двоих, одной рукой умудряется с ними расправиться. Не шучу, одной! Они стоят от двери на таком расстоянии, что у меня хороший обзор.

Он как нашкодивших щенков их хватает за майки и спускает с лестницы. Не так сильно, чтобы они убились, но достаточно доходчиво, чтобы они сюда больше не сунулись.

А потом стучит сам. От его стука я тоже подпрыгиваю, но открываю сразу же. Уже собираюсь кидаться на шею с благодарностями, но он вручаем мне в руки... собаку?! Собаку, да... И говорит:

— Минуту мне еще дай, я ментам сдам их и вернусь. Дверь запри!

И уходит...

Я закрываю замок, стекаю по стене на пол прямо с этим чудом на руках. Откуда у него вообще такая собака? Как-то совершенно не вяжется с его устрашающим образом.

Собачонка начинает облизывать мое лицо и я только тогда понимаю, что плачу, а она слизывает слезы с моих щек.

Приступ собранности закончился, я снова маленькая и хрупкая девушка, которую хотели обидеть и напугали до чертиков. Я обнимаю этот белый пушистый и мягкий комочек и прижимаю к своей груди и позволяю себе еще пару минут поплакать.

Я испугалась до ужаса, и только быстрая реакция майора и его невероятная собранность и желание помочь спасают меня от истерики.

Он... он ведь даже не задал вопросов. Ни единого. Просто примчался. За минуту! Словно ему нечем было заняться вечером выходного и он нашел себе приключение.

С ума сойти...

Не знаю, сколько времени проходит, когда я слышу еще один стук. Уже аккуратный, не пугающий. И голос:

— Кать, это я. Открывай.

Кать... Так осторожно.

Не встаю с пола, протягиваю руку и щелкаю замком.

Он заходит и в прихожей моментально не остается места. Честное слово, он от стены до стены достает своими плечищами, это законно вообще?

— Я позвонил своим знакомым из ментовки, — говорит он, присаживаясь передо мной на корточки, — приехали, забрали. Квартира посуточно?

Киваю.

— Ну вот они с хозяином в сговоре. Он когда красивых девушек сюда пускает, они приходят... Сама понимаешь зачем. Отзывы чистят, огласки никакой, все боятся.

Боже мой... Боже мой!

Это на что я нарвалась вообще? Это что у них в голове-то вообще? Какой ужас... А что я бы делала, если бы не Михаил? Вот просто что я делала бы?

— Спасибо, — говорю хриплым голосом и шмыгаю носом, а собачка облизывает мне ноздри, заставляя хихикать сквозь слезы.

— И это... Я запрет нарушил. Ну, что людей не бить. Не сдержался.

— А это не люди, — говорю ему сразу. Во-первых, тут не было приступа агрессии, а только защита меня. Во-вторых... а так им и надо!

— Что ты делаешь тут? Ты ж в военке живешь.

Не знаю, с чего вдруг он перешел на ты, но пока мы не в стенах части, пусть уж так... У меня нет сил препираться.

— Я на выходные решила выбраться. По магазинам походить, погулять. Ну и.. вот. Сняла квартиру...

— Испугалась?

Киваю. А что врать? Я в ужасе.

— Не думала даже, что могу попасть в такое. Спасибо, что вы приехали так быстро. Я не знала, кому еще позвонить, Лев Степаныч говорил, что вы в городе живете, а я больше никого не знаю здесь.

— Правильно, что позвонила. И если еще что-то нужно будет — позвонишь опять. Поняла?

Киваю. Я вообще с ним сегодня со всем согласна, киваю и киваю раз за разом.

— А хотите покушать? — внезапно предлагаю ему. Он даже брови приподнимает от неожиданности. — Я просто еды заказала... С перебором. И одна боюсь теперь тут, если честно, и...

— Домой тебя отвезти? — спрашивает. Поднимается, подает мне руку, чтобы тоже встала, и я понимаю, что все еще прижимаю собаку к себе.

— Н-нет, что вы! Так поздно, мне неудобно, ехать все-таки не пять минут, и...

— Кать, ну одну я тебя теперь не оставлю тут. Поэтому выбирай: я остаюсь тут или ты едешь ко мне. У меня свободная комната есть. Решай. Шустро.

Мамочки... Вот привык своими солдатами командовать и мной командует! А я вместо того чтобы все-таки возмутиться и правда стою и думаю, как будет лучше.

Ну, допустим, одной я тоже оставаться не хочу! И благодарна ему за это рыцарство. Но на его территорию... Ох. Нет уж, это что-то слишком личное, я не готова.

— Тут есть лишний диван, — говорю ему, прикусывая губу.

— Идет, — теперь кивает он. — Бетти не будет мешать?

— Кто? — хмурюсь.

— Белоснежный пушистый шар в твоих руках. Бетти. Собака моя.

Я не сдерживаю смехок и качаю головой. Мешать она точно не будет. Но шпиц по имени Бетти у двухметрового майора, это, конечно, очень интересная история...

Надо узнать, откуда Бетти у него появилась.

Этим и займусь за ужином!

Глава 13. Миша

— Вы мне тыкаете, — выдает она внезапно.

— А ты мне выкаешь. Зачем?

Мы ужинаем едой, которую она заказала. Ну как “мы”. Стерва Витальевна толком не ест ничего, ковыряет какой-то салат с зеленой вилкой, а нормальную еду и пальцем не трогает.

Ладно. Сегодня она не Стерва. Испугалась и дрожит как ребенок маленький, Бетти ей лицо без конца облизывает, та улыбается, хоть это радует. Что не сошла с ума от страха, вроде бы, в своем уме.

Люди такие ублюдки порой... Напугали девчонку. Молчу, что они могли с ней сделать, если бы вскрыли замок или если бы она не додумалась позвонить мне. От злости я себя не особо контролировал, с лестницы их спустил, потом еще пару раз приложился, может, ребра сломал, не знаю. Не будь в ментовке друзей у меня — сел бы я далеко и надолго. Но тут разбирательств с моей душой не будет, да и их им есть за что прижать.

Суки... Это как вообще надо было довести человека, что она из своей вечной маски серьезной и суровой дамочки выпрыгнула? Сидит в пижаме, без макияжа, совсем девчонка. Еще красивее чем обычно, кстати... И я бы с удовольствием заценил ее коротенькие шортики, но у меня блок стоит из-за ее состояния сейчас. Хочется только оберегать, успокаивать и охранять.

Она еще бестолочь такая, говорит не надо домой, ехать долго. Вот ну честное слово, с ней только что сотворить хотели бог весть что, а она говорит домой ее не надо. Слава богу, что не стала отпираться и спокойно согласилась, чтобы я тут до утра остался. Мне не сложно, да и в целом я не успокоился бы, если бы знал, что она тут одна после всего.

Собака на ее руках сидит спокойно, и вообще они подходят друг другу, кстати. Прямо подмывает спросить, не нужна ли ей живность домой, а потом вдруг понимаю, что это меня даже она дома встречать не будет... Не. Не отдам, походу. Мое пушистое чудовище, да и призывк я к ней.

— А как мне к вам обращаться? — спрашивает Катя. Ой, господи.

— Ну мы ж не на работе, не в части. Не в кабинете твоём на пытках. Мишей зови спокойно.

— Я так не могу, — хмурится. — Это определенное размытие границ общения, что-то более личное, чем наши с вами деловые отношения.

— Кать, нам с тобой эту ночь вместе проводить, ты мне в сложной ситуации позвонила, а моя собака тебе уже все лицо облизала. Какие, к хренам, границы?!

— Ночь проводить, — фыркает она. — Это звучит...

— Как кому слышится, так и звучит, — посмеиваюсь над ней. Вот сейчас ощущение, что это она пришла к психологу, потому что у нее беды с башкой. Несет чепуху всякую.

— Я с вами не разговариваю.

— С тобой, — поправляю ее. Она забавная.

— Что?

— “Я с тобой не разговариваю, Миша”. Попробуй, это не страшно.

— Да ну вас, — фыркает. — Ешьте, пожалуйста! Желательно молча.

— И будем в тишине сидеть, как два психопата? Не, Кать, так не пойдет. Тем более ты стресс пережила, тебе нельзя умалчивать. Так, вроде, в вашей психологии заведено, да?

— Вам откуда знать? — вздергивает она брови. Только сейчас замечаю, что волосы не в привычном хвосте, а в высокой дульке. Вроде, это называется так. Короче, гнездо такое воробьиное прямо на макушке, но ей идет. Она прям кажется милой во всем этом образе.

Пока рот не откроет.

— Ты что думаешь, военные не учат всякие психологические приемчики? А если новичок на поле боя и при нем друга убили? Там и психологом станешь, и кем хочешь, лишь бы пацан крышей не поехал.

— Странно тогда, что вы, зная наши “приемчики”, до последнего отрицали, что у вас проблемы с агрессией.

— Кать, а вот ешь, пожалуйста, — повторяю ее слова. — Молча, желательно!

— Ну нет уж, — теперь она хихикает и явно не хочет затыкаться. Супер, я такого эффекта и хотел. — Вы сами сказали, что молчать мне нельзя после пережитого стресса. Так что, я буду задавать вопросы, а вы отвечать.

— Звучит, как приказ, — выдавливаю улыбку. Вряд ли ей нужен хмурый мужик на кухне. Мало того, что всю еду сожрал, так даже улыбнуться ей не могу.

— Это он, — кивает довольная. — Откуда у вас эта собака?

Я молчу. Принципиально. И не в вопросе дело, мне не сложно ответить, откуда ком шерсти у меня появился.

— Михаил?

— Я на личные вопросы отвечаю, только когда ко мне на “ты” обращаются, — пожимаю плечами.

Екатерина Витальевна вспыхивает сразу же, от ярости или что у нее там такое красное на щеках, даже вливает в себя сразу добрую половину стакана лимонада.

Ну, уже не дрожит от страха и пережитого стресса, все-таки какой никакой прогресс.

— Ладно, — говорит сквозь зубы. — Я это припомню, если что! Откуда у... откуда у тебя собака, Миша?

Миша...

Меня вот лет сто Мишей никто не называл. Я чуть не становлюсь пластилином в ее руках от такого обращения. Клянусь, если она больше никогда так не скажет, я в суд на нее подам за жестокое обращение с майором Стрельцовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.